

Хтонь. Зверь из бездны

Автор:

[Руслан Ерофеев](#)

Хтонь. Зверь из бездны

Руслан Николаевич Ерофеев

Восставшее зло. Русский мистический детектив

Начав расследование жестокого убийства школьницы, следователь по особо важным делам Казарин сталкивается с чередой жутких и непонятных событий. То, что жертва оказывается беременной, оставаясь при этом девственницей, открывает простор для самых невероятных метафизических гипотез. А найденный при расследовании артефакт послужит ключом к тайне Второго Пришествия.

В поисках маньяка Казарин посетит злачные места, морг, цыганский табор, кладбище, городские подземелья, подвалы КГБ, психушку и «зону». Но так и не сможет понять, что ищет не человека, а настоящего зверя из бездны.

Роман основан на реальных событиях – преступлениях сексуальных маньяков, совершенных в 1980-х годах в СССР.

Руслан Ерофеев

Хтонь. Зверь из бездны

Я посвящаю эту книгу моей жене

Наташе ВУРВАРГ, без которой бы

вообще ничего не было.

Выражаю признательность за умные советы

моему другу Степану ОГЛОТКИНУ,

который когда-нибудь обязательно напишет

свою книгу гораздо лучше этой.

Благодарю Андрея МЕДВЕДЕВА и всех-всех-всех,

без кого эта книга была бы хуже,

чем она есть.

Зверь, которого ты видел, был, и нет его,

и выйдет из бездны, и пойдет в погибель;

и удивятся те из живущих на земле, имена которых

не вписаны в книгу жизни от начала мира,

видя, что зверь был, и нет его, и явится.

Откровение Иоанна Богослова, глава 17

От автора

Эти преступления повергают в шок, кажутся диким, невероятным вымыслом. Их совершают с невиданной жестокостью, нанося жертвам множество увечий – чаще всего в области половых органов. Нередко преступник издевается над трупами, занимается каннибализмом – пожирает груди у женщин и гениталии у мальчиков. Чикатило, Альберт Фиш, Джек-потрошитель, «Царскосельский душегубец» Сазонов – эти имена и клички давно уже стали нарицательными, зажили отдельной от своих прежних носителей жизнью, переключившись из реальной действительности в фильмы ужасов и дешевое бульварное чтиво.

И все же в этой книге довольно мало ключевых событий, которые бы не происходили в действительности, и еще меньше персонажей, которых не существовало на самом деле. Очень странно говорить подобное о мистическом триллере, где, казалось бы, априори не может быть ничего, кроме вымысла. Однако это так. Сейчас я попробую объяснить почему.

Замысел данного романа возник в 2007 году, когда я, профессиональный журналист-криминалист, занимался подготовкой цикла материалов о маньяках, действовавших на территории Ивановской области. Я добросовестно перелопачивал кипы старых уголовных дел и других малодоступных широкой общественности документов, любезно предоставленных мне тогдашним начальником отдела криминалистики областной прокуратуры Игорем Александровичем Захаровым, которого ныне, к сожалению, уже нет с нами.

Однако ни леденящие кровь строчки казенных протоколов, ни книги по судебной психиатрии, которые я тогда прочитал в великом множестве, так и не смогли дать мне ответа на вопрос: как и почему люди становятся сексуальными маньяками-убийцами? Ни марксистско-ленинская теория о том, что преступника делает из человека среда, ни изощренные фрейдистские толкования меня никоим образом не убедили.

И тогда я решил попытаться отыскать ответ на этот вопрос довольно необычным способом – творчески осмыслив историю сексуальных преступлений человечества. То, что это сделано сквозь призму мистики, я считаю допустимой вольностью – в конце концов, на мой взгляд, тот же фрейдизм скорее мистичен, чем научен. В результате и появилась эта книга, героями которой стали такие известные исторические личности, как Моисей, маршал Франции Жиль де Ре – прототип Синея Бороды, Аракчеев и его любовница Настасья Минкина и даже... генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов! Основное место действия романа – вымышленная российская глубинка времен конца застоя

(хотя многие жители города Иваново при желании смогут угадать в ней некоторые черты своей малой родины). Также читатель побывает в Древнем Египте, средневековой Франции, Российской империи XIX века и кое-где еще. Масштабность замысла меня ничуть не смущает – я твердо знаю, что до меня никто ничего подобного не писал!

Личность антагониста главного героя также отнюдь не высосана мной из пальца. Это собирательный образ. В нем воплотились истории нескольких маньяков. Педофила Анюхина, который изнасиловал и убил 11-летнюю школьницу в Иваново в 1989 году. Некрогеронтофила Сопова, убивавшего в том же году пенсионерок в городе Кинешма Ивановской области и совокуплявшегося с их трупами. А также ряда других сексуальных преступников СССР, современной России и остального мира.

Даже история купца Брыльева, его увлечение тайнами Древнего Египта и байка про мумию, замурованную в стену, позаимствованы мной из биографии вполне реального человека, мецената Дмитрия Геннадьевича Бурылина, жившего в конце XIX – начале XX вв. в «безуездном» городе Иваново-Вознесенске. В описании мистического тоннеля я пользовался собственными впечатлениями от экскурсии по подземному ходу, который и ныне соединяет особняк Д. Г. Бурылина с ивановским краеведческим музеем, носящим теперь его имя.

Признаться, в самом начале работы над книгой я был глубоко убежден, что пишу документальный детектив с историческим уклоном. Но уже начиная с первых глав мистика и хоррор стали властно врывать в ткань повествования, и в итоге я неожиданно для самого себя обнаружил, что пишу мистический триллер.

Итак, я приглашаю любящего ужасы, мистику и историю читателя окунуться в мир, полный мрачных древних чудес, оживших кошмаров и поистине зверских преступлений, распутывая которые можно не заметить, как сам превратишься в зверя... Искренне надеюсь, что читать эту книгу вам будет не менее интересно, чем мне было ее писать. Но вынужден предупредить «на берегу», что в романе присутствует немало тяжелых, крайне жестоких и попросту шокирующих даже издавшего виды современного читателя сцен, так что я не рекомендовал бы его к прочтению впечатлительным людям. Однако, как я заметил, преступления на сексуальной почве болезненно интересуют даже людей, считающих себя нормальными, – иначе вы бы держали в руках не эту книгу, а какую-нибудь другую, признайтесь себе в этом. В любом случае, прежде чем приняться за чтение, прошу вас обратить внимание на предупреждение, вынесенное в самое

начало романа: «Читать нельзя бояться». Запятую в этой фразе вам придется поставить самостоятельно. За любые последствия вашего решения автор ответственности не несет.

Руслан ЕРОФЕЕВ

Пролог

ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА

Если бы мы и знали, кто мы такие, то наверняка последовали бы примеру сэра Артура Джермина, который однажды вечером облил себя маслом и поджег...

Говард Филлипс Лавкрафт

Артем знал, что всё не наяву. Глюк. Блазн. Сквозняк из трещины в подкорке. Жирный раздувшийся утопленник, всплывший из темных глубин подсознания.

Знал, но ничего не мог с собой поделаться – было страшно.

Страшно и... любопытно. До холодного тремора под ребрами.

Еще он непонятно откуда, но при этом совершенно точно знал, что говорить с призраком нельзя. Звериной чуйкой ощущал, что совершает запретное. Что после двух простых слов пути назад уже не будет. И все же спросил:

– Кто ты?

Черная обтекаемая тень не шевельнулась. Но в голове Артема, больно ударяясь в незащитный мозг каждым словом, раздался бесцветный голос:

– У меня много имен. Жиль де Монморанси-Лаваль, барон де Ре, граф де Бриен, сеньор д'Ингран и де Шамптос, маршал Франции. Влад Третий Цепеш. Елизавета Батори. Дарья Николаевна Салтыкова, урожденная Иванова. Сержант Франсуа

Бертран. Девушка Настасья Минкина. Альберт Гамильтон Фиш, известный также как Лунный Маньяк, Серый Призрак, Бруклинский Вампир, Буги-мен и Вервольф Вистерии. Андрей Романович Чикатило. Однако истинное мое имя ты узнаешь в конце пути... А ты? Кто ты?

Артем не знал, что отвечать призраку.

– Как бы меня ни звали, тебя всегда, во все времена зовут одинаково, – продолжал вещать голос в черепной коробке, неприятно царапая ее стенки сонорными согласными. – Твое имя никогда не менялось – как и выражение твоего лица, когда ты исполнял симфонию боли на моих жилах и сухожилиях. Ты отрезал мне нос, уши, язык, пальцы рук и ног, половые органы и отдавал на съедение муравьям – твое имя было тем же. Ты сажал на мое тело крысу в клетке без дна, и она прогрызала меня насквозь в поисках свободы – оно оставалось прежним. Ты швырял меня в объятия «железных дев», и во тьме их лона я умирал мучительной смертью, терзаемый шипами и лезвиями, которые были немилосердно коротки для того, чтоб я бросился на них грудью и получил избавление – и тогда твое имя оставалось без изменений. Когда все эти испражнения твоего воспаленного мозга были сочтены бесчеловечными, ты стал просто окунать меня в камеру с дюжиной потных скотов, и в этих «обиженках» из меня, разрывая внутренние органы, делали «петушиную мазь», «чушкаря», «дырявого» – о, это очень человечно! И всегда – всегда! – тебя звали одинаково. Ибо имя тебе от века – Инквизитор.

– Но что заставило тебя явиться ко мне сейчас? – прошептал Артем.

– Тульпа... – прошелестело в его голове осенним листом, опавшим со старого кладбищенского дерева.

Тульпа? Что за тульпа? «Анатомия доктора Тульпа»? Есть, кажется, такая картина у Рембрандта, вспомнилось Артему. Там врач демонстрирует своим ученикам внутренности препарированного трупа. Но при чем здесь это?

– Невежество всегда являлось альтер эго инквизиторов. – В голосе, сверлящем мозг Артема, послышались нотки иронии. – Хотя откуда вам, кадаврам болезненного западного аскетизма, знать про тульпу! Тульпа – это друг. Это больше, чем друг. Тульпа – это часть тебя. Кусочек твоего «я». Откол сознания в осязаемой форме. Совершенный помощник. Лучший в мире собеседник. И самый

сладкий любовник. Вот представь: лежишь ты на диване, а рядом с тобой – твой воображаемый друг. Ты можешь его видеть, слышать, разговаривать с ним, и он будет тебе отвечать. Если это женщина, то ты сможешь чувствовать её запах и даже осязать её. Она будет сладка. Очень сладка. Она будет пытаться тебя надыбать сладострастия, Инквизитор. Она замучает тебя своей любовью почище, чем штатный палач твоей инквизиции, да будет навеки проклято её имя! Тульпа откроет тебе такие бездны наслаждения, которые ты не познаешь ни с одной из реально существующих женщин. Да почему, собственно, женщин? Это может быть и мужчина, и маленький мальчик, и даже собака... Ты хотел бы попробовать с собакой, о аскетичнейший из инквизиторов? Или все же предпочтешь мальчика?

– Прекрати! – выкрикнул Артем. – О чем ты говоришь? Это галлюцинация? Карманная шизофрения?

– Ты, Инквизитор, по своему обыкновению разговариваешь на языке, который оскверняет уста и отравляет разум, – отвечал голос. – С твоего позволения, воспользуюсь иной терминологией. Она также будет тебе понятна, ведь вы, инквизиторы, некогда мнили себя великими экспертами в вопросах оккультизма. Так будет проще: тульпа – это своеобразный вид суккуба. Или инкуба[1 - Сукку?б, сукку?бус (от лат. succuba – любовница; succub (are) – «лежать под») – демонесса похоти и разврата, посещающая ночью молодых мужчин. Инкуб, инкубон, (от лат. Incubare – «возлежать сверху») – демон в облике мужчины, вступающий в связи с женщинами (здесь и далее – примеч. авт.).] – зависит от твоих личных предпочтений. Хотя можно и еще проще: тульпа – это самая обыкновенная лярва. Только самодельная. В вопросе лярв вы тоже великие эксперты, не так ли, святоши?.. Недаром обычно в историях о встречах с суккубами и инкубами фигурируют монахи и монахини. Сексуальные переживания на фоне длительного воздержания перетекают в эротические сновидения, а в конце концов непременно материализуются. Даже сами заместники Бога на Земле не гнушались этого дела. Будущий папа Сильвестр Второй, которого тогда еще звали Гербертом Аврилакским, встретил однажды девушку удивительной красоты по имени Меридиана, которая пообещала ему богатство и свои магические услуги, если тот согласится быть с нею. Стоит ли говорить, что он не стал отказываться и каждую ночь наслаждался ласками своей таинственной любовницы, а затем началось его стремительное восхождение по ступеням католической иерархии к папскому трону. Конечно же, то был суккуб... Но любовными утехами функции тульпы не исчерпываются...

– Все равно ничего не понимаю, – замороженно прошептал Артем.

– И немудрено, – продолжал Голос-в-Голове. – Что с вас взять, считающих даже обычное соитие мужчины с женщиной грехом, а соитие с небольшой долей фантазии – смертным грехом! С течением времени изменилась лишь терминология, но понятие о запретности физических наслаждений осталось таким же, как сотни лет назад... Хотя и европейцам все же удалось прикоснуться к тульпе. Француженка Александра Давид-Неэль в двадцатых годах двадцатого века отправилась в Тибет, и местные йоги посвятили ее в тайну тульпы. Говорят, она даже неоднократно наблюдала материализацию тульп. А затем решила сотворить тульпу сама. Но ее тульпа вышла из-под контроля...[2 - Тульпа – в тибетском и индийском буддизме, в религии бон и в оккультизме – индивидуальная или коллективная галлюцинация, затрагивающая различные органы чувств.]

– А какое отношение все это имеет к Салтычихе и этому, как его... Жилю де... – нетерпеливо прервал Артем. Остальных названных призраком имен он попросту не знал.

– Как же ты глуп! – В Голосе-в-Голове слышались нетерпеливые интонации – если могут быть какие-либо интонации в Голосе-в-Голове. – Барон Жиль де Ре прочитал «Жизнь двенадцати Цезарей» Светония, про развлечения римских императоров-выродков, Нерона и Калигулы. И стал приносить в жертву Сатане младенцев в своей башне. Потом он стал прототипом Синей Бороды, и про него тоже были написаны книжки. И кто-то прочитал о жизни Жилия де Ре. Что непонятного?!

– Но я-то здесь при чем?! – закричал Артем и рванулся к неясному темному силуэту. Схватил его за черные одежды, вцепился поганцу в голову. Капюшон чуть сполз назад, открыв то место, где у призрака должно было быть лицо. Но лица никакого не было. Была лишь маска из жирных копошащихся опарышей.

Зловонная трещина рта разверзлась с явственно слышным чавканьем, в нее тут же провалилось несколько червей. Из черной глубины вырвались вместе с запахом могилы шелестящие звуки:

– Неужели ты все еще ничего не понял, Инквизитор?

Гниющее, источенное червями лицо призрака в руках Артема поплыло, стало меняться на глазах, как картинки на страницах быстро перелистываемой книги. Сначала оно превратилось в лицо прекрасной девушки. Потом нежные щеки сморщились, и аморфная масса застыла в гнусную физиономию плотоядно ухмыляющегося старика. Его мгновенно сменила мохнатая волчья морда. Которая, злобно оскалившись, тут же трансформировалась в ангельское личико младенца в золотистых кудряшках, точь-в-точь как на октябрятской звездочке. Артем заморожено наблюдал, как сотни лиц ежесекундно сменяли друг друга подобно картинкам на экране взбесившегося телевизора. Постоянно меняющийся рот хрипел, рычал, нежно щебетал, басил, по-детски гугукал:

– Нас много – ты один... Нас много – ты один...

Вдруг Артем содрогнулся: он увидел в капюшоне призрака свое собственное лицо.

– Ты – это мы. А мы – это ты, – прокаркала голова Артема, глядевшая на него из складок черного капюшона. – Что внизу – то и наверху. Инквизитор и тот, кого он убивает, едины – как сияющий сусальным золотом крест и черная тень от этого креста!

Вслед за этим голова Артема в руках Артема захохотала хриплым перхающим смехом и вдруг взорвалась с оглушительным звоном и дребезгом.

* * *

Телефон трезвонил над ухом не умолкая. Артем лежал немного с закрытыми глазами, чтобы унять сердце, которое норовило проломить грудную клетку и заскакать скользким алым мячиком по вытертому линолеуму его порядком запущенной однокомнатной хрущевки. Потом повернулся на жалобно скрипнувшем старом диване, вслепую нашарил на тумбочке трубку и снял с рычагов.

– Доброе утро, всемилостивейший граф! Как почивать изволили? Карета подана к подъезду. Вас ожидает прекрасная дама! – забился в трубке встревоженный картавый тенорок майора Стрижака. – Правда, не сильно живая. Налицо криминал, и вообще, это ад кромешный, котлы и сера! Ну и здоров ты дрыхнуть,

Казарин! Выходи. Меня у обкома подхватите.

Часть I

АРТЕМ. Мертвая невеста

Человеческое существо в своей порочности всегда страшнее любого нечеловеческого.

Говард Филлипс Лавкрафт

Центральная Россия, 1980-е годы н.э.

Глава 1

Мертвая вода

Читатель знакомится с несколькими милыми людьми, работа которых – нюхать и даже пробовать на вкус не слишком приятные субстанции, а также узнаёт, что трупам порой тоже требуются любовь и нежность.

Гаже всего, когда насилуют. Особенно если малолеток. Это уж совсем никуда не годится дело! Это, можно сказать, ЧП областного масштаба. И внеплановый головняк для всего местного начальства. Накрывшийся медным тазом отгул бесил невероятно.

– Лучше бы он ее просто уgomонил наглухо, – словно читая мысли, пробурчал Стрижак и пригладил уши. Он все время приглаживал уши, когда волновался. Уши у него были примечательные. Прямо выдающиеся уши. Тень на потолке служебного «газика», как от Чебурашки, страдающего водянкой головного мозга

– потому что башка тоже немаленькая. Многомудрая башка «угла» – начальника областного угрозыска.

– А кто обнаружил-то? – лениво протянул Артем, наблюдая, как здоровенные клешни водителя Сереги тискают пеструю проволочную оплетку баранки, похожую на змеиное тело. – Змея-баранка была с норовом – проворачивалась тяжело, порываясь все время выскользнуть из похожих на сардельки пальцев. Но Серега душил и укрощал змееруль, как Лаокоон, украшенный за эпические подвиги сержантскими звездочками, самоотверженно борясь с тяжелыми дорожными условиями: за пределами маленькой, скупо освещенной милицейской машины колобродила склизкая осенняя мразь. «Впрочем, в наших краях круглый год – тяжелые дорожные условия, – подумал Артем. – Какие дороги, такие и условия». Ему вдруг почудилось, что ментовский «козел» превратился в хронокапсулу, которая работает «наоборот»: всё, что происходит внутри нее, подчиняется бегу времени, а все, что за пределами, – извечный осенний тлен вне времени и пространства.

– Пацаны в парке в войнушку играли, – нехотя отозвался Стрижак, оставив наконец в покое свои уши. – Двое пошли в разведку и забрались в самые дебри. А она там, висит... – Стрижак неожиданно хохотнул. – Старшина по рации доложил, что один малец в штаны, того, наклал с перепугу. Он обоих в машину посадил – так там, говорит, дыхнуть нечем!

– Ничего, такая наша работенка – говно нюхать. И даже пробовать на вкус, – мрачно констатировал Казарин.

– Может, это пацаны ее и ухайдакали? – обернулся к сидевшему на заднем сиденье «газика» Артему Серега. – А чё, играли в Зою Космодемьянскую. Детки нонче пошли – тушите свет!

– Ага! И отымели во все отверстия организма. Одному шесть, второму четыре, – огрызнулся Стрижак.

– Черт-те что творится, – проворчал Серега. – Секса в стране нет, а школьники гребут да мочат почем зря.

– Ты помалкивай у меня, – пристрожил Стрижак и повернулся к ссутулившемуся на заднем сиденье Артему. Объяснил вроде ему, но ясно было, что и сержанту-

водителю тоже. Даже, пожалуй, больше сержанту, чем Артему. – Я только что из обкома. Велено, так сказать, не педалировать. В смысле, вообще не упираться на тему полового сношения. Мы расследуем убийство, и точка! – И, таинственно понизив голос, добавил: – Такое указание поступило из самого ЦК! – И для убедительности ткнул желтым прокуренным ногтем куда-то вверх, где качал ушастой башкой на потолке кабины Чебурашка-гидроцефал.

Данные о половых преступлениях в Советском Союзе засекречивались строже, чем о местонахождении ядерных боеголовок. И об этом лучше, чем кто-либо другой, знал следователь по особо важным делам Светлопутинской облпрокуратуры Артем Казарин. И «угол» – начальник местного уголовного розыска майор Стрижак – тоже знал о том, что он знал. Так что все сказанное – большей частью для водилы. Чтобы не болтал лишнего.

– Армянское радио спросили: чем ЦК отличается от ЧК? Армянское радио ответило: в ЦК цыкают, а в ЧК – чикают, – криво усмехнулся Артем и уставился в окно, сплошь затянутое тяжелой ртутной пленкой дождя.

Городишко Черногрязинск, издревле догнивавший в самой клоаке средней полосы России, хоть и получил после октябрьского переворота статус областного центра и новое жизнеутверждающее название, но деревней от этого быть не перестал. И грязи в нем не поменьшалось. Надо ли говорить, что местные жители по сложившейся привычке продолжали именовать Светлопутинск Черногрязинском. Власти даже не особенно этому препятствовали – старое название подходило городу больше. Беспорядочная толкучка сизых изб и сараев ближе к центру впадала в кривые кварталы замурзанных пятиэтажек, которые венчало помпезное здание Дома советов, исполненное в стиле позднего сталинского деграданса. Единственное, чем оно было примечательно, – это тем, что его так и не достроили. Гнилой зуб недостроя, заслужившего у светлопутинцев меткое прозвище Колизей, смотрелся по-киношному зловеще на фоне промокшего тухлым осенним дождиком неба.

Казарин вспомнил, как больше тридцати лет назад он вот так же ехал через снулый, словно дохлая рыба, ночной Черногрязинск, то есть Светлопутинск. В первый раз. И как мать, у которой он, двухлетний Артемка, восседал на коленях, припала, отгородивши узкими ладошками лицо, к замаранному брызгами грязи окну полуторки, скакавшей по черногрязинским колдоёбинам. Вгляделась в блеклую мглу, где смутно угадывались силуэты каких-то курятников. И спросила шофера – жирного небритого мужика, от сивушного дыхания которого потели

стекла кабины:

– А когда же город-то начнется?

– Ты чё, мать?! – выпучил мутные глаза утопленника шофер, не отрываясь от баранки. – Это ж и есть город!

И тогда мама беззвучно и жалко заплакала. И Артемкины щеки тоже обожгло горячим.

Мать Казарина была коренной ленинградкой. Век бы ей читать поэтов позднего Возрождения с прославленной кафедры ленинградского университета. Но отец Артема, главный инженер текстильной фабрики, оказался германским шпионом. Его зам обнаружил, что в рисунке на ткани, которую выпускало предприятие, хитро спрятаны свастика и фашистская каска. И сообщил куда следует. Отец исчез навсегда, бдительный зам занял его кабинет, а мать с золотушным Артемкой на руках очутились здесь, в задрюканном осенней непогодью Светлопутинске, который Черногрязинск...

Стрижак тем временем раздраженно ворчал, что вчера из местного краеведческого музея попятели какой-то драгоценный египетский перстень, принадлежавший то ли самому фараону, то ли одному из его вельмож. Музейные очкарики хай подняли. Вся милиция на ушах стоит. А тут еще и девка мертвая! Как всегда, все не вовремя.

«Как будто такое бывает вовремя», – резонно подумал Казарин.

Ему было глубоко наплевать на какой-то там перстень – его интересовало то дело, в которое ему предстояло через несколько минут окунуться.

– Приехали, – прервал невеселые Артемовы мысли шофер Серега. За лобовым стеклом «козла» тускло, как из речной глубины, просвечивали фары ментовского «жигуля».

* * *

Капли только что загнувшегося от лютой осенней тоски дождя запутались в растрепанных рыжих волосах. Они стекали по детскому лицу, на котором застыла загадочная полуулыбка. С прозрачного личика мертвая вода сползала по угловатым девчоночьим ключицам. Казарин отвернулся: нагота бледного тела, прикрученного медной проволокой к шершавому сосновому стволу, полосовала глаза, как «мойка» трамвайного щипача, который заметил, что кто-то наблюдает за его работой.

Рядом, возле щуплого тельца, перечеркнутого косыми крестами рыжей проволоки, скрючился на корточках старенький эксперт Лунц.

– Алюминиевый порошок тут не пойдет, графит тоже, – бормотал он себе под нос. – Попробуем мы вот что...

Из щегольского финского дипломата – предмета нескрываемой зависти всего Черногрязинска – Лунц вытащил плоское блюдце из фольги и флакончик с клеем. Затем крепко задумался, качая многомудрым клювом дряхлого грифа. Через минуту вновь щелкнул блестящими замками импортного чемоданчика и извлек на свет божий миниатюрные кусачки. Аккуратно поправил черную шелковую бабочку, присевшую ему на воротник и делавшую его похожим на какого-то пожилого артиста. Галстуки-бабочки были одной из его маленьких слабостей, и Лунц имел их в своем гардеробе штук тридцать, разных форм, цветов и оттенков. На все случаи жизни. Сегодняшняя бабочка была траурной, как и приличествовало моменту. «Интересно, он нарочно такую выбрал?» – подумалось Казарину. Лунц тем временем разогнулся – и в два щелчка перекусил проволоку на плоской, почти мальчишечьей груди трупа рядом с тем местом, где она была закручена в узелок. Осторожно зажал проволочку промеж двух пальцев, как сигарету, и вновь скрючился над своими блюдечками-флакончиками. Казарин повернулся к эксперту и лениво наблюдал за его манипуляциями, в пользу которых пока не очень-то верил.

Вдруг он почувствовал, как в его плечо справа-сзади ткнулось что-то мягкое и тяжелое. Он резко повернул голову. В сантиметре от его лица замерли полуприкрытые бледные веки трупа, из-под которых поблескивали удивительно яркие полумесяцы белков. Длинные ресницы чуть касались Артемовой щеки.

Казарин запаниковал. Он ощутил, как между лопаток стекла холодная струйка. Попытался оттолкнуть труп от себя – но тот лишь еще теснее прильнул к Артему. Тонкая рука мертвой девочки свесилась вдоль казаринского тела, будто

обнимая.

– Ну вы что, совсем уже?! – прозвучал будто откуда-то издалека возбужденный тенорок Стрижака. – Ну, что вы как эти самые!..

Лицо трупа откачнулось назад. Казарин увидел, как Стрижак, кряхтя, укладывает тело, выскользнувшее из разрезанных Лунцем проволочных пут, на сырую листованную падаль.

– Лунц, ну уж ты-то чего, а? – картаво и зло тараторил Стрижак, суетясь вокруг вытянутого на земле голого детского трупа.

– Я... вот, – старик Лунц беспомощно захлопал ресницами. – Есть палец.

Пока Артем «обнимался» с трупом, а Стрижак его «спасал», Лунц успел очень много. Он налил в фольговую ванночку клея из флакончика, положил кусочек проволоки обоими концами на края ванночки и немного подержал ее донышко над зажигалкой. Пары клея осели на проволочке. Но не везде, а только там, где за нее держались чьи-то пальцы. Папиллярные узоры, оттиснутые на кусочке проволоки выделяющимся из человеческой кожи жиром, образовали белую, хорошо различимую сеточку.

– Ну, это еще не палец, Цезарь Маркович, – буркнул Казарин и передернул плечами, не в силах сразу прогнать липкий испуг. – А только его часть. Проволока-то – в полтора миллиметра толщиной.

– А ты ей, похоже, понравился, Тёмыч! – вдруг хихикнул Стрижак. И покосился на мертвую девочку. – Она к тебе, прямо как невеста к жениху...

– Иди ты в жопу, майор, – задумчиво сказал Артем. И, отодвинув в сторону фотографа, который закончил свою работу и теперь увлеченно ковырял в зубах пластмассовой шпагой-зубочисткой, широко зашагал в сторону аллеи. На ходу выудил из кармана своего кургузого пиджачка пачку «Примы», прикурил у какого-то дяди, облаченного в замызганную «болонью». Тот стрельнул в Артема глазами разного цвета, которые к тому же еще и сильно косили в стороны – один в Арзамас, другой на Кавказ, и удалился вверх по аллее, громко и гнусаво распевая:

Шаланды, полные фекалий,
В Одессу Костя приводил,
У всех биндюжников вставляли,
Когда в пивную он входил...

Глава 2

Безухий в рай не попадёт

Читатель пополнит свой кругозор весьма ценными сведениями о том, кто такие «коты» и «котихи», а также узнает, что цивилизация – это когда тебе не отрезают ушей, а допрашивают с помощью бормашины.

Из стаи подростков в темно-синей школьной форме вряд ли хоть один читал Ницше: в лучшем случае «Муму» осилили. Но тем не менее все они с упоением толкали слабого, полностью сообразуясь с заветами усатого сифилитика из Йенской психиатрической лечебницы. Затем один из зверенышей выхватил портфель у парнишки, поверженного в грязную последождевую кашу, и с молодецким гиком запульнул его высоко в поднебесье. Но до неба сундук, набитый тяжестью бесполезных школьных знаний, не долетел. Его задержали корявые ветки старых грабов. На одной из них он так и остался болтаться маятником, отмеряющим кванты бессмысленной подростковой жестокости. Казарин хотел было вмешаться, но деточки уже припустили вдоль по аллее, как стая молодых волчат, наградив на прощанье слабое звено серией звучных поджопников. Отверженный звереныш восстал из лужи, размазывая по щекам грязь пополам с соплями. И тут же принялся настырно карабкаться по шероховатому стволу за своим чемоданом с единицами. После дождя в парке сильно пахло прелью.

Стояли звери

Около двери...

Тоненькие детские голоса раздавались откуда-то из-за кустов. Артем осторожно раздвинул ветки. На посыпанной песком и хвоей дорожке играли двое малышей. Этим еще рано было сбиваться в стаи: у них пока были другие игры. Казарин прислушался – и произносимая мальцами считалка вызвала у него смутные воспоминания.

Стояли звери

Около двери.

Они стучали,

Их не пускали...

И сразу же Артем узнал двух пацанят, которых мельком, сквозь склизкую пленку дождя видел за стеклами ментовского «жигуленка». Осторожно, чтобы не напугать ребятшек, он пролез сквозь кусты. Мальцы прервали игру, выжидательно повернувшись к материализовавшемуся за их спинами дядьке. И Казарин тут же об этом пожалел. Он никак не мог вспомнить продолжения считалки, которую только что повторяли мальчишки. Память услужливо подсунула ему ощущения и запахи детства – но не слова. А ему почему-то вдруг стало важно вспомнить именно слова.

Артем потряс коротко стриженной головой, чтоб прогнать наваждение. А потом оглядел ребят. Замызганная ручонка старшего пацаненка сжимала цевье самодельного деревянного автомата с ржавой консервной банкой, приспособленной снизу вместо магазина. «Бычки в томате», – прочитал Казарин на порыжевшем обрывке этикетки. Наверное, автомат стрелял рыбными хвостиками, скользкими от кровавой томатной дрисни. На расщепленном прикладе были выжжены кривые буквы: «Славик».

– Славик, а расскажи-ка мне, кто тебе такую замечательную пушку соорудил? – сказал Казарин и ободряюще улыбнулся пацаненку.

Тот помусолил палец, потер им измазанное зеленкой колено, помолчал, потом насупился и неожиданно проговорил басом:

– Это не пушка, а автомат пэ-пэ-ша! Это мне брательник Саня сделал, когда в армию уходил! Он теперь в Афгане воюет...

При упоминании об Афгане Артем поморщился, словно от зубной боли.

– Классно получилось, – заверил он затем, мучительно борясь с вновь накотившим желанием спросить про считалку. – Молодчина твой брательник Саня. А у вас кто победил сегодня?

– Наши навалили фашикам! – высунулся вперед младший пацаненок, но тут же стушевался и спрятался за спину Славика. Казарина явственно обдало запахом подсохшего говна.

– Вот это правильно, – кивнул головой он. – Это верно. Наши всегда побеждают фашиков...

– А тех фашиков, что Ленку к дереву привязали, поймают? – вновь высунулся младший, но старший цыкнул на него, и тот опять проворно юркнул за его спину.

– Поймают, обязательно поймают, – серьезно ответил Артем (а в голове все крутилось: «Стояли звери...»). – Но нужна ваша помощь, ребята. Вы Лену хорошо знаете? (Он хотел, было, сказать: «знали», но почему-то передумал.)

– Ленка – Вальки Котики дочка. В нашей школе учится, – ответил старший мальчик: он тоже говорил о погибшей в настоящем времени.

Теперь кое-что прояснилось – но далеко не все, конечно. «Котами» и «котихами» на местном диалекте именовали тех, кто перманентно нырял без акваланга на самое донышко граненого стакана. Пёс его знает, чем провинились несчастные Барсики и Мурки, чтобы заслужить столь сомнительных претендентов на членство в славном семействе кошачьих. Но название прижилось, и «аквалангисты» чувствовали себя в этом «животном» статусе прекрасно, таская звериную кличку даже с некоторой гордостью, что твои графья – фамильный титул («Стояли звери...» – вновь мелькнуло на задворках памяти). Аквалангистка Валька фон Кот, ухмыльнулся про себя Артем. И никакой тебе кессонной болезни. Ладно, хоть с опознанием трупа проблем не предвидится.

– Где живет, знаете? – спросил он ребят.

Старший поковырял грязным пальцем в носу и отвечал:

- Они на Сортировке живут, в крайнем бараке у переезда.

Сортировкой именовался самый криминальный район города, вплотную прилегавший к парку. Звался он так потому, что ему дала начало сортировочная станция, где перетасовывались поезда, тащившие из чрева огромной страны лес, уголь и прочее сырье. На западной границе древесина волшебным образом превращалась в импортные консервы и зерно, которые поддерживали жизнь в исполинском теле дышавшего на ладан государства. Но обыватели Светлопутинска чаще именовали столь важный район пренебрежительно - Сортировкой. Райончик и правда пахивал, как заправский колхозный нужник - дерьмом и беспросветной нищетой.

- А Валька Котиха с кем живет? - спросил Казарин. - Отчим у Лены есть?

Артем догадался, что отцом тут явно и не пахло.

- Она с Жаном сексуется, - важно сообщил старший пацан, старательно выговорив «взрослое» слово.

Казарин озадаченно почесал светлый ежик на затылке: ладно, сейчас некогда, позже разберемся, что за Жан такой. Француз, что ли? Наверное, кличка.

- А вы когда в парк пришли? Утром? Кого-нибудь чужих встретили? - Артем круто сменил тему.

- Не-а, - твердо ответил старший. А младший уточнил, все так же выглядывая из-за спины товарища и обдавая Казарина стойким фекальным ароматом:

- Никого, только дядя Петя был.

Старший тут же одернул его:

- Тебя же про чужих спрашивают, дурик!

- Постой, малыш. - Артем стал предельно серьезен. - А кто это - дядя Петя?

– Дядя Петя фокусы показывает! – Глаза у мальчика загорелись. – У него писканка по воздуху летает, как муха! И карты! А еще он может рубашку снять, не расстегивая пиджака!

– У него брелок в виде пиписки, – пояснил старший мальчик. – Дядя Петя здесь, рядом, в рабочем поселке живет. Он тут часто гуляет. Он с пацанами – как ровня. А фокусы дядя Петя Занюхин и правда классные знает! У него пятак в рубль превращается!

– Надо же, – удивился Казарин. – Все на свете отдал бы, лишь бы научиться пятаки в рубли превращать. Может, мне б тогда как раз до полочки хватало, в долги б залезать не пришлось. А как бы разыскать этого дядю Петю? Вдруг он и меня научит своему замечательному трюку...

* * *

Артем хлопнул дверцей ментовского «газика», разбудив дремавшего в машине Стрижака.

– Одежду нашли? – поинтересовался он у сонного майора.

– Не всю, – зевнул Стрижак, протирая вместо глаз свои выдающиеся уши. – Куртку и портфель в двенадцати метрах обнаружили, под елкой. Рядом, в куче мусора, резиновые сапоги. С Винни-Пухом на голенищах. Еще метров через двадцать – пакет со сменкой. А вот белье найти так и не удалось. Видать, этот упырь его с собой забрал. Так сказать, на память.

– Сексуальные маньяки нередко сохраняют при себе своеобразные фетиши – личные вещи своих жертв. Чаще всего роль подобного «трофея» выполняет нижнее белье. Потом убийцы на сексуальной почве переодеваются в него и онанируют, как бы заново переживая приятно волнующие их события... – проговорил хриловатый надтреснутый голос с заднего сиденья, и Казарин вздрогнул:

– Простите, не заметил вас, Цезарь Маркович.

– К чему я это говорю? А вот к чему я это говорю. – Цезарь Маркович Лунц назидательно поднял худой узловатый палец и погрозил им кому-то невидимому. – Не могу утверждать с абсолютной уверенностью, но при поверхностном осмотре тела создается впечатление, будто часть внутренних органов извлечена из него через влагалище. Более определенно скажет патологоанатом.

– А при чем здесь белье? – Артема замутило.

– А при том здесь белье, что порой роль подобного «трофея» могут играть части тел жертвы, а иногда – и внутренние органы, – вновь погрозил невидимке костлявым пальцем Лунц. – Маньяк может использовать их в своих сексуальных играх, обматываться ими или даже поедать... Кстати, на одежде девочки обнаружены клочья шерсти. Какому животному она принадлежит – покажет экспертиза.

«Стояли звери около двери...» – почему-то невпопад вспомнилось Артему. Вот же привязалась идиотская считалка! Ее что, зверь убил? Чушь какая-то.

На своем веку следователь Казарин повидал немало, а еще больше – старший лейтенант 186-го мотострелкового полка Казарин. Видел он, к примеру, отрезанные уши. Причем не все из них были отчекрыжены «духами». Хотя первыми резать «уши» начали все-таки они. Ведь, согласно их поверью, Аллах вытягивает правоверных в Джаннат – рай с гуриями – именно за уши. Так что комвзвода Казарин видел эти трофеи – хоть и издалека, но у своих. Похоже на сушеные грибы, нанизанные на бечевку. Чуть больше 5-копеечной монеты в диаметре. Ребята их даже как-то коптили, чтобы уши «духов» не гнили и сохраняли, так сказать, товарный вид. Были парни, которые коллекционировали подобные трофеи. Но почему-то такие в Афгане долго не жили. Может, именно гонка за отрезанными ушами подводила их под шальную пулю – хрен его разберет.

Артему вспомнился один случай, произошедший уже на гражданке. Сидел он как-то с боевыми товарищами, смотрел телик. И вдруг один из парней ни с того ни с сего говорит: «Цивилизация – это когда тебя убивают, но не отрезают ушей!» Все переглянулись и хором ответили: «Советская армия – не цивилизованная!» А что такого? – подумал тогда Артем. В детстве же все читали книжки про индейцев, как они снимают скальпы с убитых врагов. А ведь уши – то же самое! Законный трофей победителя...

В общем, немало повидал на этой войне комвзвода Казарин. Поймал однажды соседний взвод снайпершу. Наемница – то ли пакистанка, то ли откуда-то из Саудовской Аравии, было не разобрать. Вытряхнули из нее доллары и местные афгани, отпечатанные, кстати, в СССР. Ну, понятное дело, позабавились маленько – если можно так назвать действия, производимые двумя десятками озверевших мужиков, давно не видевших баб, в отношении женщины, пусть черной и чумазой, как чугунок из деревенской печки где-то далеко в России. А потом замполит приказал: «Принести саперную лопатку!» Хороший был мужик замполит. Валентин Федорович. Контузило его потом от близкого взрыва гранаты. Но он наотрез отказался от эвакуации, остался в строю и даже приобрел сверхспособность – пускать сигаретный дым через то ухо, в котором лопнула барабанная перепонка... В итоге отрубили суке-снайперше обе руки, забинтовали и отпустили. Хотя отдельные горячие головы и предлагали взять у медиков напрокат бормашину для особо утонченных экзекуций.

Война – это война. То, что в мирной жизни считается чудовищным, на «передке» – естественный ход событий. Позже все самые жестокие преступники казались следователю Казарину просто гопниками из подворотни по сравнению с профессионалами – психами, которые «обрабатывали» пленных. Но ребят этому жизнь научила. Возьмешь, скажем, в плен араба, сдашь в разведку. Потом спрашиваешь: ну, чё? Молчит, говорят, сволочь. Пришлось «обрабатывать». Так только начали его легонько метелить – он орет, он тащится: за веру же пострадал! Пришлось придумывать. Полет фантазии... Правда, тех, кто занимался пытками, даже свои за людей не считали. Но все же «духи» сами виноваты. Они с советскими бойцами-«шурави» еще и не такое вытворяли...

Все самые жестокие преступники казались следователю Казарину просто гопниками из подворотни... Все. Но не этот.

Он снял трубку радиотелефона «Алтай», установленного в машине, мельком заметив, что рука его чуть подрагивает. Про «Алтай» ходили разные байки, в том числе – что сверхсовременная техника вызывает у мужчин половое бессилие. Но рука дрожала не поэтому.

«Нервы стали ни к черту! – подумал Артем. – Раньше такая ерунда, как трахнутая и убитая девчонка, вряд ли могла довести тебя до тремора в конечностях, Казарин!»

Он потыкал кнопки на панели чудо-агрегата и, борясь с некстати подступившей тошнотой, проговорил в ребристую мембрану:

– Крокус-три-двенадцать. Барышня, будьте ласка: Занюхин Петр, предположительно от тридцати до сорока лет. Спасибо, жду.

По «волшебному» номеру, который только что набрал старший следователь прокуратуры по особо важным делам Артем Казарин, можно было в течение пары минут узнать всё о судимостях любого гражданина страны Советов. Если этот гражданин не сотрудник «ящика» или засекреченный по самые помидоры агент КГБ, конечно. А так, достаточно только назвать пароль – и на тебе, вся подноготная как на тарелочке.

– Премного благодарен, милочка, – проговорил он в трубку после непродолжительного ожидания и задумчиво опустил ее в соответствующее гнездо на современной панели «Алтая».

– Что, не выходит у Данилы каменный цветок? – ехидно поинтересовался Стрижак, взмахнув ушами.

– Первый срок – по хулиганке, второй – за мелкую кражонку, – вздохнул Артем. – Пока мимо.

– А кто таков, чем знаменит? – полюбопытствовал с заднего сиденья помалкивавший Лунц.

– Большой друг детворы. Великий фокусник, превращающий пятаки в рубли, – криво усмехнулся Казарин. – По словам пацанов, часто отирается в парке.

– А ты что, ждал, что у него дюжина судимостей за изнасилования и убийства малолетних? – буркнул Стрижак. – Плюнь, разотри и забудь – так просто наши задачки не решаются!

– Ладно, успеем еще пощупать за вымечко этого клиента, если что, – ответил Артем и подумал: «Или не успеем, черт с ним совсем, прав майор, мало ли кто по парку шляется». – А сперва лучше нанесем светский визит благородной даме Вальке фон Кот.

Глава 3

Тяжелые волны

Размышления о семейной педагогике, о том, с кем Ленин сожительствовал в шалаше, и о жутком подводном чуде-юде прерываются самым неожиданным образом.

– Сотона толстомяса, оловянна рожа! Так бы и харкнул в zenки бесстыжи! Она, она Ленку сгубила! Натурально, она. Бывалоча, слова доброго девке не скажет: всё – ором, всё – ебуками!

От избытка чувств Фрол Кузьмич высморкался в огромный, как парус, застиранный плат со звуком, напоминавшим одновременно гудок светлопутинской лакокрасочной фабрики «Красная лазурь» и рев африканского слона в брачный период. На лацкане его серенького пиджачка гневно качнулась «Гертруда»[3 - Просторечное название звезды Героя Социалистического Труда.] на муаровой ленточке, засаленной настолько, словно обычно он сморкался не в платок, а в нее.

– Ой, и не говори, Кузьмич, – поддакнула ему почтальонка Зина, маленькая невзрачная бабенка с жидким пучком волос на затылке, похожим на мышиный хвостик. – Лупила Ленку смертным боем. Та, чуть что, из дому бегом! Как тепло – так на трубах жила, с собаками, лишь бы не там, где родная мать!

– Что за трубы? – не понял Казарин.

– А во?о-он оне, трубы-ти, – повел костлявой дланью Кузьмич по направлению к буйным зарослям крапивы, окаймлявшим овраг. – Вона оне, тамо-тко, натурально, и располагаются.

На другой стороне неглубокой впадины Артем разглядел заляпанную гудроном двойную кишку теплотрассы, на которой грелось несколько худых грязноватых дворняг. Одна из них, с выпирающими из-под кожи ребрами, вдруг тяжело

подняла морду с крестообразно сложенных лап и протяжно, не по-собачьи тоскливо завывала. Озноб продирает по коже от этого звука.

– Это ж Валетка! – пугливо сказал Кузьмич, подтягивая на тощих чреслах линялые тренировочные трико с вытянутыми коленками, которые он носил в паре с пиджаком, как в городе давно уже никто не ходил. – Ленкин пес. Ну, как, Ленкин – он бездомный, так-то. Но Лена его подкармливала. Он по весне болел – так она его выходила. Любила Ленушка его сильно...

Все надолго замолчали.

«Так вот откуда шерсть на одежде убитой девочки», – сообразил Казарин. А он-то было подумал...

Артем рассеянно мазнул взглядом по трубам, из-под которых диковато шерились бездомные псы, по пыльным, прихваченным осенним тленом кустам и дальше – по раскинувшемуся сразу за ними «Щукинскому морю», которое в дни приливов наверняка подходило почти к самому порогу Ленкиного барака. Это искусственное море появилось здесь почти пятьдесят лет назад, после того как коммунисты решили, что реки в их государстве текут не туда. И исправили оплошность природы. Правда, работа над ошибками Мироздания обошлась недешево: в несколько десятков человеческих жизней – тех, кто отказался покинуть свои жилища, в которых столетиями рождались, жили и умирали предки. Потому что раньше на месте моря был город.

Старая часть Светлопутинска была экстренно затоплена, несмотря на оставшихся в домах стариков, – заниматься их эвакуацией Советской власти было некогда, планы, как всегда, горели, а плешивые головы еле держались на бычьих начальственных шеях. Но долго еще выглядывал из-под воды скелетированный купол колокольни церквушки Николы Мокрого – древней и очень почитавшейся в народе. Вот ведь подгадали предки с именем святого, которому посвятили храм! Страшный покосившийся крест, который чудом уцелел после нескольких «безбожных пятилеток», грозно чернел на фоне кровавых светлопутинских закатов. Артем еще застал его в детстве. Потом купол окончательно разрушился, и последнее напоминание о черногрязинском Китеж-граде исчезло навсегда. Еще одна потерянная русская Атлантида...

«Щукинское море» кишело рыбой – и теми же щуками, и стерлядью, вскормленной, если верить народной молве, трупами утопленников – жителей старого Светлопутинска, оставшихся верными родным очагам и погостам. Но долго еще их потомки не отваживались плавать на лодках над затопленным городом. Старики поговаривали, что мертвецы могут позвать живых к себе в пучину. Так это или нет, никто, разумеется, проверять не спешил. Но было доподлинно известно, что вода в искусственном море – тяжелая. Немногочисленные купальщики часто тонули в нем без видимой причины, пока не перевелись вовсе. А прочие жители стали жаловаться на ухудшение самочувствия столь массово, что власти вынуждены были перестроить водопровод, чтобы снабжение населения питьевой водой осуществлялось из природного водоема, а не из «Щукинского моря». Как в мрачной сказке – живая и мертвая вода...

– И хахаль Валькин не лучше! – не выдержав, нарушила наконец затянувшееся молчание Зина. – Приношу это я летось Вальке пенсию – она ведь на инвалидности бедует, по сердцу, даром что така корова. Смотрю, сидит, черт патлатый. Воспитывает! Ленка тихо, как мышка, тарелку с кашей отодвигает – ну ей же нельзя, пост же был Великий. Говела она. А каша-то – с маслом. Так этот Жан как даст ей ложкой в лобешник! Жри, сука! Каша ажно по полу разлетелась! А потом, варнак проклятый, заставил девку тую кашу с полу-то слизывать! Ленка потом гаврилась цельный вечер!

– Чего делала? – не понял Артем.

– Ну, рвало ее, ежели говорить по-культурному.

– А чего она... как это... говела? – наконец-то выговорил Казарин слово, мало понятное человеку, рожденному после нескольких «безбожных пятилеток» в стране, где само слово «бог» писалось с маленькой буквы.

– А об том не надо спрашивать, – строго поджав губы, ответила Зина. – Вы, я гляжу, человек молодой, при чинах, Советской властью обласканный, оно конечно. Вы таких вещей не признаете, вам по должности не положено. Но Лена была дитё не простое, а намоленное.

– Как это – намоленное? – вновь не понял Артем.

– А вот так. Бабка ее, Аграфена, уж очень богомольная была, в скиту не раз послушничала, трудницей. Она, пока жива была, и Вальку, дочь свою непутевую, в узде держала. А Лену она намолила. Валька-то, шалава беспутная, еще по молодому делу сколь деточек по больницам разбазарила, по кусочкам в абортариях растратила. Вот и не получалось у нее, когда замуж вышла, дитё. Аграфена, Аграфена Леночку у Бога вымолила. И веровать она ее научила, посты соблюдать да в церкву ходить. Хотела, чтоб хоть она Валькину жизнь пережила набело. А как померла бабка, да как мужик Валькин, Колька, под поезд спяну угодил, так Валентина и пошла вразнос. Совсем житья Ленушке не стало от пьянок да хахалей ейных. Прямо при робенке кобели ее охаживали. Тьфу, бесстыжа рожа!

Кузьмич, словно подтверждая эти слова, вновь звучно высморкался в свой громадный плат, и только тут Артем разглядел, что на нем изображена выцветшая карта СССР. Старик еще раз сморкнулся в Москву и, аккуратно свернув платок, убрал его в карман. Сопливый парус идущего ко дну гнилого советского корабля.

С «Мертвого моря», как его стали называть светлопутинцы после событий Шестидневной войны, которые подробно освещались в газетах, тянуло промозглым холодом. Казарин вздохнул, переглянулся с помалкивавшим Стрижаком, который курил чуть в сторонке на пару с участковым милиционером, и сказал:

– Товарищи понятые, пройдемте в дом.

* * *

На заплеванной лестнице старенькой двухэтажки воняло куревом, плесенью и кошачьей мочой. Под ногами противно расплющивались несвежие бычки. Потолок был утыкан горелыми спичками, метко, по-тимуровски запущенными умелой рукой. Изгаженные временем и людьми стены были разрисованы похабщиной. Вся делегация остановилась возле обшарпанной двери с цифрой «13», криво намалеванной белой краской. Слева от двери красовались каракули:

Ленин – х...

Возле них кто-то нарисовал корявую свастику. Справа на облупившейся штукатурке было нацарапано одно под другим:

Онанизм укрепляет организм!

Ленка – целка!

Последняя надпись носила следы многократных попыток стереть ее.

Из открывшейся на настойчивый стук участкового двери пахнуло душком давно не мытых тел, подсохшей блевотины и беспросветной нищеты. В проеме, обитом обшарпанным коленкором, о первоначальном цвете которого можно было лишь догадываться, нарисовалась гнусная толстомясяя бабища. Оба ее заплывших поросячьих глаза украшали симметричные фингалы, переливавшиеся всеми цветами радуги.

– Чего ломишься, начальник, щя как дам в чайник! – выдохнула свиноматка вместе с вонью адского перегара и раскатисто, громоподобно заржала. Она была страшно, омерзительно пьяна.

Стрижак протолкался вперед сквозь жиденькую толпу ментов, понятых и любопытствующих соседей – сейчас он был в своей стихии.

– Ты, Валька, дожدهшься у меня! А ну, захлопни спиртоприемник, шалашовка, а то сейчас все висяки района на тебя навешаю, до климакса с параши не слезешь! – пробормотал он уверенной картавой скороговорочкой и, затолкав наглуую бабищу в глубь ее смрадной берлоги, повел за собой оробевших понятых, как отважный фрегат маркитантские лодки.

«Смешное слово – «шалашовка», – подумалось Артему. – Интересно, откуда оно произошло? Когда Сталин утилизировал ленинскую гвардию и вымарывал подельников лысого сифилитика отовсюду – со страниц истории, с фотографий и даже с полотен художников, – особенно подфартило старику Зиновьеву. На известной картине, изображавшей Ленина в Разливе, покрасили его знаменитую персону, и оказалось так, будто бы Ильич скрывался от жандармов в шалаше

вовсе даже и один. Сошалашник плешивого вождя всем настырно доказывал, что это он скрашивал досуг главного большевистского пахана, когда тому пришлось срочно залечь на дно. А однопартийцы смеялись ему в глаза и обзывали троцкистской блядью. Хотя каждый хорошо знал, что Зиновьев говорит чистую правду. Может, тогда и появилось слово «шалашовка»? Господи, какой только бред не лезет в голову от усталости».

Казарин шагнул в квартиру последним и сразу же споткнулся о расставленные в прихожей трехлитровые банки с резиновыми медицинскими перчатками, натянутыми на горловины. В таких народ обычно настаивал бражку. По мере брожения перчатка наполнялась газом и поднималась вертикально. Это означало, что гнусное пойло созрело. Нехитрая система называлась у алкашей «Хайль, Гитлер!» Банки противно, дребезжаще зазвенели – в точности как утром телефон. Чертыхнувшись, Артем плотно прикрыл за собой дверь, из-за которой сразу же донесся приглушенный бубнеж участкового:

– Граждане, разойдитесь. Не положено... Осади, я говорю!.. Гражданин, ну чего вы глазеете, вам тут цирк али женская раздевалка?

Бедно живет народ в стране развитого социализма, бедно, думал Казарин, пробираясь через общий коридор, заваленный разным никчемным хламом, которому давно место на свалке. А теперь еще и Америка из-за войны в Афганистане наложила запрет на продажу нам зерна, и в магазинах сразу же исчезли мука и макароны. Дорого нам обходятся игры в войнушку, ох, дорого! В Ташкенте все госпитали забиты ранеными бойцами, а в центральную Россию самолеты «Руслан» таскают цинковые гробы с останками «воинов-интернационалистов», которые из-за всегдашнего нашего бардака развозят по неправильным адресам, приводя в ужас и без того напуганных людей. В учреждениях, которые посылают в Афган своих специалистов, висят на стенах портреты в траурных рамках. А из радио- и телеприемников льется елей в адрес партии и правительства, верно держащих ленинский курс. Генеральный секретарь Юрий Владимирович Андропов все время кого-то приветствует, встречает какие-то делегации, поздравляет с трудовыми успехами братские социалистические народы, а сам, наверное, даже не читает этих своих поздравлений, которые его секретариат утверждает ежедневно пачками. А народу нечего жрать. Когда изредка «выкидывают» какой-нибудь немудрящий дефицит вроде сосисок, к магазинам не подступиться: в очередях иной раз даже убивают в спорах из-за места. Поезда, идущие в Москву, осаждают мешочники: невероятно, но в столичных магазинах пока еще есть продукты. Столичное

товарное изобилие кажется отсюда сказочным раем. Дети загадывают друг другу загадку: «Длинный, зеленый и пахнет колбасой». Отгадка: «поезд из Москвы...»

По пути в комнату Артем заметил на грязном полу свежие капельки, подозрительно похожие на кровь. Что за чертовщина? Кур они здесь, что ли, режут? Он мельком заглянул в крохотную и невероятно грязную общую кухню – в ней не было ничего примечательного, кроме закопченной старенькой плиты и облупившейся штукатурки. Кухня была пуста. Прочие «удобства», судя по всему, находились во дворе.

Понятые смущенно мялись в уголке единственной, заваленной всяким барахлом комнатухи. Старичок Фрол Кузьмич вновь сморкался в свой сопливый парус, на этот раз – куда-то в район города-героя Новороссийска, а Стрижак раздраженно выговаривал Вальке:

– Я тебе погожу! Я тебе так погожу! На двушечку без скощухи пойдешь у меня! Ты с начальником угрозыска говоришь, а не с алкашом-собутыльником, марамойка!

– А ты, начальник, тоже выпей, не стесняйся! – прохрипела в ответ Валька, обдав всех присутствующих сивушной отрыжкой, и кивнула на колченогий стол, застеленный газетой. На испятнанных коричневой жижей «Сельских вестях» покоились ржавая банка «Бычков в томате», как давеча у мальчугана Славика на автомате, который сделал воевавший в Афгане брат, и початая бутылка с какой-то мутной отравой.

Казарин тоскливо глянул в окно, где плескались тяжелые свинцовые волны искусственного моря. Вспомнилась легенда из детства, будто в нем жила «щука-ведьма». Мол, сама рыбина невероятных размеров, крупнее любого сома, и с адским наездником на спине – скелетом ворона, намертво вцепившимся в хребет. По слухам, тварь из бездны рвала рыбацкие сети (непонятно откуда взявшиеся в водоеме, который все старались обходить стороной) и, согласно совсем уж вздорным рассказам, утаскивала на дно маленьких детей. Потом прошла весть, будто бы водяное чудовище выловили, и было оно два с лишним метра в длину, с боками, заросшими водорослями и водяным мхом, а на спине его действительно имелся такой же замшелый скелет огромного ворона. Судя по всему, птица попыталась выхватить добычу из воды, но не смогла высвободить когти и была утащена сильной рыбиной на дно. Разумеется, своими глазами

никто эдакое чудо-юдо не видел – все ссылались исключительно на рассказы очевидцев, но о-о-чень авторитетных...

– Георг Фридрих Гендель. «Сарабанда»! – проговорил хорошо поставленным женским голосом работавший телевизор, и в комнату потекла невыразимо скорбная музыка, вызывающая в памяти разрушенные церкви и ушедшие под воду города[4 - Использовать «Сарабанду» Генделя в качестве музыкального сопровождения к кинохронике, которая запечатлела взрывы храмов и видневшиеся из-под воды купола колоколен, телевизионщики полюбили во времена перестройки. Эта мелодия, по-видимому, казалась им чрезвычайно мрачной и потому подходящей для такого рода кадров. Хотя изначально ничего мрачного в ней не было – она скорее трагическая, но при этом проникнута оптимизмом и верой в человечество. Однако кинокадры, которые эта музыка сопровождала, сами по себе несут столь мощный заряд «крипоты», что теперь и «Сарабанда» воспринимается как одно из самых мрачных произведений классической музыки.].

Артем открыл жалобно скрипнувшую форточку и зло сплюнул в серый, просвистанный ледяными ветрами простор: свалившийся на его голову висяк неимоверно бесил. Но плевков тут же вернулся ему в лицо, подхваченный упругим, напитанным влагой сквозняком. Чёрт бы побрал это «море»! Казарин брезгливо утерся рукавом своего серого, выдавшего виды пиджачка.

– Поговори мне еще! – вернул его к действительности бойкий тенорок Стрижака. – Когда в последний раз дочь видела? Отвечай!

– Утром! – буркнула Валька. – Ну, погоди...

– Эх, я тебе сейчас так погожу!.. Когда – утром? – не отставал Стрижак. – Во время завтрака? Или позже?

– Чего? – вытаращила глаза Валька, будто ее спросили о ланче с английской королевой. – Ты чё, начальник, какой, в натуре, завтрак!

Вдруг она запела с хрипотцой:

Комсомольцы просят мяса,

Пионеры – молока.

А Андропов отвечает:

«Хрен сломался у быка!»

От неожиданности все немного помолчали.

– Некультурный ты, начальник, тиливизир, видать, не смотришь, – вновь нарушила тишину Валька, кивнув на светящийся голубоватым светом экран. – Говорю же, поглядела Ленка мультики, «Ну, погоди!», и в школу почапала. Половина восьмого была, до открытия винно-водочного еще, почитай, три часа с половиной!

Симфонический концерт закончился, и теперь на черно-белом экране громоздкого «Горизонта», похожего на старый комод, кривлялась и негромко напевала песенку забавная зверушка – то ли слоненок, то ли мамонтенок:

Пусть мама услышит,

Пусть мама придет,

Пусть мама меня непременно найдет!

Ведь так не бывает на свете,

Чтоб были поте-е-еряны дети...

Казарин шагнул к пискляво поющему комоду и повернул рукоятку настройки громкости, выключив звук.

– Соберись, Валентина, попробуй вспомнить, что еще дочка делала перед уходом? Может, говорила чего? Собиралась куда-то кроме школы? – увещевал между тем Вальку Стрижак.

Та посмотрела на него мутным взглядом, подбоченилась и вдруг проорала хриплым басом, очень громко, куда громче прежнего:

В краеведческом музее

Хрен висит на портупее,

В полной амуниции —

К дню нашей милиции!

В такт пению Котиха притопывала по грязному полу своими тумбообразными конечностями, и Казарин заметил, как из-под ее юбки на заскорузлые половицы упала красная капля.

– Да ты, стерва, опять без трусов! – изумился старичок Фрол Кузьмич. – Кой раз примечаю – трусы не носишь!

Пьяная баба, дурачась, прошлась руки в боки по комнате и чмокнула Кузьмича, который был ниже ее на две головы, в румяную стариковскую лысинку.

Ах ты, Гена, ах ты, Гена,

Ты не щупай за колено.

Щупай сразу за манду,

А не то к другим пойду!

Прохрипев очередную матерную частушку, Валька вместо изящного поклона высоко задрала грязный подол, явив миру пышные рыжие кудри.

– П... да! – благоговейно выдохнул Кузьмич и перекрестился, как на святую икону, матово сверкнув рыбацкой блесной «Гертруды». Похоже, последний раз он наблюдал подобное зрелище лет сорок назад. Слабо ойкнула почтальонка Зина. Даже Стрижак потерял дар речи – хотя Артем давно убедился, что майора вообще крайне сложно сбить с понталыку.

«Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод», – машинально повторил про себя Казарин последовательность, памятную еще с юрфака. Нехитрый, но действенный мнемонический фокус, благодаря которому многие поколения советских студентов навсегда запоминали членов марксистской группы «Освобождение труда». Чтобы потом с отвращением к самим себе вспоминать эту совершенно бесполезную информацию в самые неподходящие моменты вроде этого.

Никто не заметил, как на пороге комнаты возник встрепанный участковый:

– Товарищ майор, тут старший эксперт-криминалист Лунц звонил: народ громит машину с трупом!..

Глава 4

Пасть Аида

О советском дресс-коде, суевериях в самой атеистической стране и о том, каким неожиданным путем можно попасть в морг города Светлопутинска.

Длинное кумачовое полотнище с лозунгом «Перевыполним план по вскрытиям в Ленинскую пятилетку!» пару секунд парило в воздухе, а затем накрыло бурлящее, словно дерьмо в котелке, людское месиво. Серая фигурка, распластавшаяся на облезлом фасаде городского бюро судмедэкспертизы, медленно отклеилась от стены и, будто нехотя, стала падать вниз. Ее бережно подхватила многорукая толпа, не дав расплющиться о мостовую. Из сотен черных глоток вырвался нечленораздельный вой.

– Что за хрень здесь творится? – проворчал Стрижак, поправив ромбик университетского значка на груди, и сделал неуклюжую попытку выбраться из машины через тушу Вальки фон Кот, которая сладко посапывала и пускала губами пузыри. Грузить ее пришлось в спешке, но это не помешало ей уснуть прямо на плече сопровождавшего ее в «газик» милиционера.

– Не гони, сперва я один пойду, – проговорил Артем. – А вы лучше отъедьте подальше, не маячьте. А то на нас уже оглядываются...

Что-то подсказывало Казарину, что явление Стрижака народу при погонах и картузе с кокардой ясности данной ситуации не прибавит и ничем хорошим не закончится. Другое дело – он, Артем, в своем скромном сереньком пиджачке.

Одежда советского человека была не просто утилитарным предметом, каковой защищает от холода и прикрывает «срам». Она являлась своеобразным маркером, по которому можно было с точностью определить, к какому социальному слою этот самый человек относится: рабочий, колхозник или, не приведи боже, интеллигент. Куда там индийской кастовой системе! Она и в подметки не годилась неписаному советскому дресс-коду.

Главным сословным маркером, по которому безошибочно распознавался социальный статус гражданина, конечно же, являлась шапка. По ондатре было легко узнать партийного бонзу, работника торговли или подпольного цеховика. Вязаные шапки с помпоном или петушиным гребнем (они так и назывались – «петушки») предпочитала легкомысленная молодежь. Ну а лопухий малахай из зайца или другого какого-нибудь не очень уважаемого зверя, а то и вовсе «из чебурашки», то есть искусственного меха, да еще в комплекте с черными войлочными ботами модели «прощай, молодость» – это была вернейшая примета социального неудачника страны Советов.

В теплое время года, когда шапок обычно не носят, принцип дресс-кода также работал не менее точно, чем часы на Спасской башне Кремля. Импортный замшевый пиджак, к примеру, был атрибутом человека, поднявшегося на самую вершину пищевой цепочки. Он был доступен только избранным небожителям и покупался если не за границей, то, по крайней мере, в закрытом спецраспределителе для приближенных к власти людей. Чуть менее престижной, но остромодной одежкой был синий «олимпийский» костюм с щегольской белой молнией – пижонский «прикид», жутко «дефицитный», как тогда было принято говорить, но все же при желании доставаемый. Особенно он был крут в комплекте с кроссовками «Адидас». Можно отечественными, с несгибаемой, как деревяшка, подошвой, которые шили-пошивали в СССР по лицензии, но лучше гэдээровскими. На противоположном полюсе советского дресс-кода находились, понятное дело, засаленный ватник, кирзачи и небритая морда, распухшая с похмелья.

Казаринский «прикид» болтался где-то между пресловутым ватником и умеренно демократичной «олимпийкой»: серенький кургузый пиджачок, какой нашивали и скромные совслужащие, и пенсионеры, да выдавшая виды сорочка в блеклый цветочек с застиранным воротом. Обычная, примелькавшаяся на тысячах советских людей лопотина. Этакая галантерейная антитеза чеховскому высказыванию, что в человеке все должно быть прекрасно. И даже морда не совсем еще пропитая.

Артем выпрыгнул из ментовского «козла», с удовлетворением убедился, что никто не обратил на него ни малейшего внимания, и рыбкой нырнул в толпу. Работа локтями была не самой тяжелой работой, какую Казарину приходилось выполнять в жизни.

Слева от него очутилась трясущаяся бабка с клюшкой и авоськой, набитой мелкими проросшими картофелинами. Она все время прижимала к губам какой-то белый лоскуток и злобно причитала, больно ударяя Артема узловатой палкой по ногам:

– Загубили, ироды! Как есть, нарушили девицу, святую угодницу!

«Чокнутая какая-то», – подумал Казарин, наращивая амплитуду движений локтями.

В гуще народных масс он выхватил глазами еще пару человек, тычущих себе в губы какие-то тряпицы. Но что бы это могло значить, он так и не додумался.

– Эй, пиньжак, дай закусить курятинкой рабочему классу! – прямо на Артема надвинулась огромная, как дупло столетнего дуба, небритая пасть и обдала сложным букетом из ароматов сивушных масел и гнилых зубов.

– Чего? Какой еще курятинкой? – растерялся он, отстраняясь, чтоб ненароком не провалиться в черный провал зловонной дыры.

– Посмолить отвесь граммулечку, – прошамкала пасть, отравляя окружающую атмосферу ядовитыми парами злого черногрязинского самогона.

Казарин запустил пятерню в просторный карман своего потрепанного пиджачка и выудил оттуда мятую пачку «Беломора». Владелец страшной пасти ловко смял жопку папиросы заскорузлыми пальцами, как заправский мастер оригами, чиркнул спичкой и поджег фитиль смертельно опасной бомбы, молниеносно запуская механизм роста раковых метастазов в легких.

– Вот ведь как оно, ёжкин корень, – вновь послышалось из пасти, между гнилыми корешками которой «палочка здоровья» утонула почти по самый кончик, на котором весело горел красный огонек смерти. – Девка-то, вишь, святая

оказалась. Платье ейное будто бы от рака исцеляет, а от зубной скорби да сглаза – это уж как два пальца. Смекаешь, паря?..

Артем не поверил своим ушам, но продолжил движение, с трудом протиснувшись между курякой и дебелий бабой с орущим младенцем на руках, который оттянул мамкину замызганную кофту, выудил мощный сисяк с поросычье-розовым соском и, пожаткав немного, потянул в рот. Бабища не обратила на эти манипуляции ровным счетом никакого внимания, будто находилась не на улице в толпе, а у себя в сортире.

Пробиться ко входу в морг, он же, как водится, – бюро судмедэкспертизы, оказалось не проще, чем втиснуться утром в автобус на рабочей окраине. «Легче всунуть в жопу глобус, чем с утра залезть в автобус», – вспомнилось еще из институтских времен. Поближе к вратам в царство трупов, прозекторов и паров формалина красовалась поставленная на попа «буханка», в которой обычно передвигались по области скромные труженики отдела криминалистики областной прокуратуры. «Ну и ни фига себе!» – подумал Артем.

На «уазик» вскарабкалась юркая долговязая личность в расхристанном болоньевом плаще. Разорванная до пупа майка с перекрученными лямками и внушительных размеров нательный крест дополняли варварский наряд. Личность явно находилась на самом дальнем полюсе советского дресс-кода, куда никакой Амундсен не доберется на своих собаках. Как говорится, сквозь прорехи в одежде просвечивало пролетарское происхождение.

Это что за большевик

Лезет к нам на броневик?

Серую кепчонку носит,

Букву «рэ» не произносит... —

теперь Казарину невпопад пришла на ум одна из вечных стрижаковских прибауток.

– И-братцыыыыи! И-шоита деетсяя! – с надрывом возопила личность, растягивая дыру на худосочных персях так рьяно, будто сейчас выпрыгнет из майки-алкашки и воспарит над толпой на спиртовых парах, как упившийся в стельку

ангел. – Священномученица Елена, смерть за нас, грешников, принявшая... Тело ее пречистое коммунисты-безбожники пошто забрали?! Надругаются над им, ироды краснозадые, на опыты сдадут богохульные! Шиш им!

«Крестonosец» выкинул вперед в непристойном жесте руку с грязным заскорузлым кукишем. Толпа ответила улюлюканьем и свистом. «Бей жидов!» – визгливо выкрикнул женский голос. Где-то послышался дребезжащий звон разбитого стекла.

Артем наконец пробрался к парадному входу в морг, хотя это и стоило ему пары выдранных с мясом пуговиц и отдавленной ноги. На крыльце, как помятый в схватке волчара, окруженный стайей твякающих гончих, огрызаясь на толпу старшина милиции. В его мосластой пятерне был крепко зажат «стечкин», и это была единственная причина, по которой он был еще жив. Казарина он знал, поэтому без церемоний шепнул:

– Через люк, через люк давай!

Затем поправил сбитую на ухо фуражку и снова принял угрожающую стойку. Выглядел он отчаянно, и толпа нападать на него пока боялась. Надолго ли?

Артема вновь всосало в себя людское месиво. Через пару минут, истискав, истыкав локтями, отдавив все ноги и изматерив хорошенько, горластый многоголовый монстр выплюнул его возле угла морга. Поправляя потрепанный в давке пиджачок, Казарин торопливо двинулся вокруг здания. Черный ход был заколочен наглухо и заставлен мусорными баками, доверху заваленными окровавленными бинтами и еще какой-то пакостью. Справа от помойки виднелся неприметный люк, кое-как обмазанный серой краской.

Светлопутинский морг принимал своих постояльцев довольно необычным способом. Еще в начале 30-х годов, на волне всеобщего внедрения рационализации труда, начальник морга отличился необычным изобретением. Чтобы не таскать тела умерших совграждан туда-сюда по ступеням, он оборудовал люк, через который жмурики отправлялись напрямиком в покойницкую, как в некоторых заграничных отелях – багаж постояльцев в номер. В тридцать седьмом начальника морга обвинили в шпионаже в пользу Германии и почему-то Аргентины, и он сам отправился напрямиком в пасть Аида. Но люк остался, и через него продолжали поступать все новые и новые поколения

светлопутинских покойничков. Мертвый багаж исправно доставлялся по назначению. Теперь, похоже, это была единственная возможность и для Казарина попасть внутрь здания.

Он взялся за ржавую скобу и потянул дверцу на себя. Старшина не обманул – она оказалась не заперта. Из квадратного зева пахло дерьмом и смертью. Артем опустил на корточки и заполз в люк, плотно притворив за собой крышку. Он очутился в полной темноте. Ползти по туннелю, ведущему в преисподнюю, было на редкость неудобно и как-то жутко.

«Хорошо, хоть клаустрофобией я не страдаю», – подумал Казарин, в тот же миг почувствовал впереди пустоту, не удержал равновесие и полетел куда-то в воняющую смертью бездну.

Глава 5

Храм Задрипанной Смерти

Читатель узнаёт о необходимости человеческого отношения к покойникам, о том, почему старший эксперт-криминалист Лунц носит сорочки только с длинными рукавами, а также знакомится с милейшим человеком, которого судьба наградила поистине жутким прозвищем.

Свободное падение, казалось, длилось целую вечность, хотя на самом деле он падал не дольше секунды. Затем шлепнулся на что-то относительно твердое и довольно холодное, по очертаниям напоминавшее человеческую фигуру. Миг спустя глаза привыкли к свету, и Казарин обнаружил себя возлежащим прямехонько на покойнике – лицом к лицу. Труп упирался своим иссиня-бледным костистым носом прямо в нос Артема. Он, завопив от ужаса и отвращения, скатился на кафельный пол с носилок, которые, видимо, прибыли ранее тем же путем, что и сам Казарин несколько секунд назад.

Покойницкая, освещенная неживым светом ртутных ламп, была пуста, если, разумеется, не считать ее мертвого обитателя. Но Артем уже успокоился, и

покойники его больше не пугали. Мало ли он их повидал на своем веку. И все же интересно, куда подевались живые люди? Судя по разбросанным инструментам, вызывавшим в памяти расхожие представления советского человека о застенках гестапо, а также по тому, что прибывший сверху труп на носилках даже не потрудились поместить в холодильник, покойницкую покидали в большой спешке.

Казарин отряхнул брюки и двинулся к выходу. На двери мертвецкой висела бумажка, на которой было нацарапано химическим карандашом:

«УХОДЯ, ПРОВЕРЬ, НАКРЫТ ЛИ ТРУП!»

«Действительно, как не проверить? Вдруг замерзнет, болезный?» – саркастически усмехнулся Артем. Обшарпанная белая дверь вывела его в мрачный низкий коридор без окон, освещенный всего одной нервно мигающей лампой. Он тоже был пуст, если не считать каталки, накрытой простыней, под которой угадывался силуэт миниатюрного человеческого тела. Опасливо обогнув мертвеца, Казарин прошел дальше, как вдруг душа его ушла в пятки от резкого звука за спиной. Он обернулся, и испуг сменился непроходящим липким ужасом: механизм каталки сложился, и простыня съехала вниз, обнажив то, что скрывалось под ней. У маленького трупа на каталке не было головы.

Артем бросился по коридору бегом. Эхо его топота с грохотом проносилось вдоль длиннющей кирпичной кишки и замирало где-то в другом конце огромного здания.

Миновав коридор, Казарин сбавил шаг и по узенькой лесенке поднялся с цокольного, «нулевого» этажа на первый. Перед ним оказался точно такой же коридор, но утыканный с правой стороны подслеповатыми окошками. Зачем они были нужны, непонятно, поскольку каждое было тщательно закрашено белой эмульсионкой. Но все же недоокошки давали достаточно света, чтобы разглядеть, что коридор был пуст, а двери по левую руку закрыты все до одной. Артем подергался наугад в пару-тройку – все оказались заперты на ключ.

«Вымерли они все здесь, что ли? – с раздражением подумал он. – Или ядерная война с Америкой началась?»

Кабинет патологоанатома Толика Думбадзе находился на втором этаже, и Казарин припустил туда суетливой побегой порядком напуганного человека. Закрашенные стекла вибрировали в рамах и, казалось, прогибались внутрь, словно что-то пыталось их выдавить с улицы. По гулкой пустоте коридора тек невнятный, но несмолкающий гул. Только оказавшись на лестничном пролете между первым и вторым этажами, Артем догадался: так странная акустика этого задрипанного храма смерти преломляет шум толпы снаружи.

На втором этаже Казарина ждал точно такой же унылый коридор с отбитым кафелем и облупившейся штукатуркой. Разница заключалась лишь в том, что одна из дверей была распахнута настежь и из нее мощным потоком бил электрический свет.

Артем на цыпочках подкрался к открытому кабинету и заглянул внутрь. На расхлябанном казенном стуле сидел человек и закрывал лицо ладонями. Из-под скрюченных пальцев стекали ручейки крови и медленно, тягуче падали тяжелыми каплями в лужицу на полу. Человек мерно раскачивался из стороны в сторону, как иудей на молитве. Наконец он отнял руки от лица, и на Казарина уставилась кровавая маска, в которой он с огромным трудом опознал лицо Лунца.

– «Бей жидов!» – потрясенно проговорила кровавая маска Лунца. – Они кричали: «Бей жидов!». Последний раз я такое слышал только в сорок первом, в Львовском гетто...

Артем никогда не видел Лунца в одежде с короткими рукавами – даже в самую страшную жару тот щеголял в тщательно отутюженных нейлоновых сорочках. Но из перешептываний за спиной эксперта-криминалиста Казарин знал, что на руке у него наколот выцветший концлагерный номер.

Всегда снежно-белый воротничок сорочки Лунца теперь пропитался кровью, бабочка понуро опустила крылышки, напоминая сейчас не пижонскую деталь туалета, а дохлое насекомое, изжеванное, проглоченное и отрыгнутое назад каким-то неведомым хищником.

– Успокойся, дарагой, выпей микстуры, палегчает. – Артем только сейчас заметил, что Лунц в кабинете не один и возле колченогого стола топчется на своих толстых слоновьих ногах патологоанатом Толик Думбадзе по кличке

Доктор Жмур. В здоровенной волосатой лапище Толика был почти не виден стакан, но по початой бутылке «Столичной», которая поблескивала на вытертой столешнице, можно было догадаться, что за микстуру Доктор Жмур прописал Лунцу.

- Что с вами, Цезарь Маркович? - только и смог выдавить из себя Казарин.

- Все, ша, ничего уже со мной нет, - отвечал Лунц и вдруг, обхватив рукой продолговатую лысую голову, вновь закачался на стуле, как маятник метронома. - Всё пропало, всё! Курточку, платье - все разодрали в клочья, все растащили! Ни черта не осталось! Ни одного вещдока! Все, конец!

- Эти дикари пачиму-та ришили, что дэвачка святая, - пояснил Доктор Жмур и, видя, что Лунц не обращает на него никакого внимания и полностью погрузился в свои переживания, хлопыстнул водку из предназначенного для старика Марковича стакана.

- А голову у трупа они тоже забрали?! - похолодел Артем от страшной догадки.

- Голаву? Какой-такой голаву? - на смуглой, поросшей черной щетиной морде Доктора Жмура сначала проступило удивление, которое затем сменилось пониманием. - А, так ты чэрэз падвал прашел? Ну ты даешь, генацвале! Тэбэ бы в цирке выступать - билэты бы у спэкулянтэв нэ дастать было... Нэт, тэло бэз галавы час назад привэзлы - эта пьяная бабка-абходчыца пад тэплавоз папала. Сначала думали - рэбенок, аказалась - бабка. Толка очэн малэнкая. А тэло дэвачки санитары с грэхом папалам атбили у талпы, я его в халадильник памэстил, в самый дальний, чтоб долшэ искали...

Вдруг Доктор Жмур, подобно Лунцу, схватился за висок: в него, пробив в оконном стекле солидную дырищу, угодил камень, который какой-то стервец исключительно метко запустил с улицы.

- Шени деда, - выругался Жмур на грузинском и для верности перевел: - Тваю мать! Эти психи абашли здание! - и повернулся к Казарину. - Пахожэ, это ты их привел за собой, генацвале! Тэпэр всэм нам крышка! Сэйчас варвутся с чернава хода! Через нэскалька минут вся талпа будэт здэсь!

- А ты в милицию звонил? - спросил Артем, лихорадочно соображая, что делать.

– Званил, как нэ званиль! Но эти черти, пахожэ, правада абарвали! – чуть не плакал Думбадзе.

Глаза Казарина зашарили по стенам в поисках решения – но решения не было. Через несколько минут он и его товарищи станут добычей толпы разъяренных фанатиков. Взгляд почему-то зацепился за обтрепанную по краям репродукцию, изображавшую, как мужчина в широкополой шляпе демонстрирует молодым людям – видимо, своим ученикам – внутренности препарированного трупа. Рембрандт, кажется. Как же называется эта картина? Вспомнил! «Анатомия доктора Тульпа»!

У Казарина был особый, редко встречающийся род памяти – эйдетическая память. Сам он ее, правда, называл идиотической. Он мог удерживать и четко воспроизводить в памяти любые впечатления, особенно зрительные. Всплывали они, разумеется, в самый неподходящий для этого момент. Вроде не хочешь – а вот оно.

Решение пришло почти одновременно с тем, как Артем вспомнил совсем не нужное ему название картины, поэтому развить в себе какие-то другие смутные воспоминания, связанные с ней, он не успел. Вместо этого Казарин ухватился за сиротливую бутылку «Столичной», забытую Жмуром на столе, и цыкнул на него:

– Сидите здесь. Береги Лунца!

Затем, под вопли Думбадзе, который отчаянно голосил, что боится оставаться один и что его сейчас «прирэжут как ягненка», Артем гигантскими прыжками понесся по коридору.

Коридор. Пролет. Топ-топ-топ – громадные прыжки через три ступеньки. Еще коридор. На этот раз Казарин скакал в сторону вестибюля. Вот и он. Двое дюжих санитаров в грязных белых халатах подпирали высокие двойные двери своими широченными спинами. С одинаковых, как у близнецов, красных морд ручьями стекал пот. Однако Казарин не заметил, чтобы в двери снаружи кто-то ломился. Видимо, толпа бросилась к черному ходу, догадался он.

– Пост сдал – пост принял. Смена пришла, – отстранил он руками санитаров. Те кулями опустили на затоптанный кафельный пол – видимо, борьба с огромной,

фанатично настроенной людской массой отнимает много сил. Артем потянул на себя массивную, отполированную тысячами прикосновений медную скобу.

Глава 6

Призрак Шамбалы

Читатель узнаёт о том, как водка заменила черногрязинцам попугайчиков, после чего ему предстоит как следует поволноваться за судьбу главного героя.

Вопящий многоголовый и многорукий монстр не ворвался в образовавшуюся щель и не разнял державших осаду людей на запасные части. Ожидания Казарина оправдались – не совладав с крепкими дубовыми дверями, людской поток обтек труднопреодолимое препятствие в поисках других, более доступных лазеек, как грязная осенняя вода обтекает большой камень.

Артем надавил на дверь сильнее, но дальше она не поддавалась. Что-то мешало. Тогда он осторожно выглянул на улицу. Дубовая створка уперлась в тело старшины. Милиционер лежал на крыльце, из-под его головы стекал по пыльным ступенькам ярко-алый ручеек. Рядом валялся растоптанный чьими-то ногами форменный картуз с новенькой блестящей кокардой. Возле крыльца никого не было – только в отдалении маячила стена из серых одинаковых спин. Казарин осторожно выбрался в образовавшуюся щель и осмотрел тело старшины. Он был жив, но дышал хрипло, одышливо. Пистолета при нем не было. «Только этого еще не хватало!» – со злостью подумал Артем. Он крикнул санитарам, чтобы те позаботились о раненом, и решительно зашагал в сторону удалявшейся толпы. Вот так отгул у него получился, нечего сказать!

Казарин появился на улице вовремя – толпа уже выбила два окна на первом этаже морга и готовилась просочиться внутрь. Поравнявшись с отставшими от основного ядра разъяренной людской говномассы, Артем старательно изобразил расхлябанную походочку фланирующего пьяницы. Для пущей верности он прихлебывал на ходу из поллитры, цинично изъятой у Доктора Жмура. К Казарину как по команде повернулось несколько свинцовых пропитых рыл.

«Гля, мужики, «Столичная»... – пополз шепоток в нестройных рядах фанатиков. – Две недели уж, как водки не завозили! Одна «Зубровка» на полках».

– Эй, мажор, ты где водочку брал? – прохрипел Артему в лицо коренастый мужик с седой щетиной на морде, которая заканчивалась чуть ли не у самых глаз. Лба у мужика тоже не было – прямо от бровей начинался покатым аэродром, заросший пучками сизой, будто побитой морозом растительности.

– В «Птичке», где ж еще, – спокойно отозвался Казарин. – Еще с утра завезли.

И щедрым жестом протянул щетинистому недопитый пузырь, к которому тот сразу же присосался, как ребенок к материнской сиське – только волосатый кадык заходил туда-сюда под грязной морщинистой кожей. Затем бутылка пошла гулять по заскорузлым рабочим ручищам, как эстафетная палочка радости и счастья.

«Птичкой» звался в народе винно-водочный магазин на другом конце города, хотя на вывеске значилось совсем другое название. Поначалу торговая точка гордо именовалась «Дары природы» и в ней торговали различными зоотоварами и мелкими зверушками, которых можно содержать в домашних условиях. Но большинство горожан считали содержание животных, если их нельзя доить, сожрать или посадить на цепь для охраны добра от разных мазуриков, баловством и глупой тратой денег. Поэтому птички и черепашки дошли, не доходя до покупателя, и магазин вскоре закрылся. Слово «природы» в вывеске было сбито. «Дары» остались. Возможно, к «дарам» первоначально предполагалось присобачить еще какое-то подходящее слово: «Дары Юга», например. Завезли же в магазин кое-какие дешевенькие южные вина взамен полудохлых попугайчиков. Но вина появились, а слово – нет. Однако очередь, ежедневно выстраивавшуюся начиная с 11 часов утра за алкодарями, это ничуть не смущало.

«В «Птичку» водку завезли! «Столичную!» С утра еще!» – словно легкий освежающий ветерок прошелестел над толпой. И пусть ветерок этот благоухал самогоном, дешевыми дрянными настойками, политурой, денатуратом, мозольной жидкостью – чем угодно, только не дефицитной водкой, которой город не нюхал уже давно. Не то что элитной «Столичной» – даже дрянного зелья без названия (на зеленой этикетке было написано просто «Водка»), и того не нюхал, хоть и гналось оно из отходов нефти, которой у страны Советов было – хоть залейся. Так что этот провонявший сивухой сквознячок был для

собранных здесь людей живительным ветром перемен к лучшему, ветром странствий, зовущим в сверкающую всеми красками солнечного спектра вечно пьяную Шамбалу. В толпе затянули припевки, в которых смешались в одну кучу и цены на водку, и антисоветские выступления в Польше, и революционная история СССР:

Было три, а стало пять – всё равно берём опять!

Даже если будет восемь – всё равно мы пить не бросим!

Передайте Ильичу – нам и десять по плечу,

Ну а если будет больше – то получится как в Польше!

Ну а если двадцать пять – снова Зимний будем брать!

Толпа начала редеть на глазах, и вскоре возле морга остались лишь горки шелухи от семечек да редкие зеваки. Последние удивленно наблюдали, как на площадь перед обшарпанным зданием судмедэкспертизы, визжа тормозами, вылетели три милицейских «газика». Из боковых дверей высыпали бойцы с автоматами и новомодными резиновыми дубинками, невиданными большинством черногрязицев, а из головного «рашен джипа» выкарабкался невысокий человек с огромными оттопыренными ушами. Он удивленно почесал их, видимо, тоже недоумевая, куда подевалось только что бесновавшееся перед моргом людское месиво.

Артем подошел к Стрижаку и наконец перевел дух.

– Ты цел? – первым делом поинтересовался тот, хлопывая Казарина ладонью по плечам и спине в поисках гипотетических телесных повреждений.

Осенний ветер безжалостно трепал афишу на соседнем с моргом здании кинотеатра «Большевик». На ней красовался огромный портрет модной молодой певицы Аллы Пугачевой, ниже шли крупные буквы: «ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПОЁТ». Название популярного фильма тут же переименовали в народе: «Женщина, которая даёт».

– Чего мне сделается, – буркнул Артем, отстранившись, и хотел было рассказать Стрижаку про пистолет, который пропал у избитого толпой старшины. Громкий сухой щелчок за спиной, похожий на удар плетью, прервал его мысли. Левую

лопатку обожгло горячим. Падая, Казарин успел обернуться и увидеть долговязую личность в разодранной до пупа майке-алкашке с громадным распятием на пузе. Глаза незнакомца на мгновение встретились со взглядом Артема, и тот успел заметить, что они разного цвета, хотя и не разглядел, какого именно. Затем его взгляд опустился ниже. Из грязного кулака неряхи хищно глядел на Казарина вороненый зрачок «стечкина». Оттуда неторопливо вытекала сероватая струйка пороховых газов.

Глава 7

Двое из концлагеря

Читатель оказывается на настоящих советских похоронах, знакомится с не менее настоящей «гестаповкой» и узнаёт часть жуткой правды.

Комья напоенной влагой глины тяжело шлепались на крышку гроба. Алый сатин, которым была обита скромная небольшая домовина, еще до погружения в могилу успел пропитаться морозящей с неба серой дрянью и теперь имел вид задрипанный и жалкий. Так же убого выглядел и почетный караул из заморышей в рыжих галстуках, которые дрожали от сырого, пробирающего до костей ветра, выстроившись редкой цепочкой вдоль неровной кромки ямы.

Вдруг все пришло в движение: и жиденькая толпа провожающих покойника в последний путь, и цепочка пионерского почетного караула. Между оградками, заунывно подвывая, металась тощая поджарая тень. Цепочка красных галстуков распалась. Пионеры горохом рассыпались между могил, на ходу подхватывая комья земли и швыряя в затравленно метавшуюся псину. Вялые окрики учителей потонули в задорном боевом кличе маленьких зверят. Дети. Цветы жизни.

Внезапно все закончилось. Ребятишки снова возвращались в строй, на ходу поправляя галстуки и превращаясь из малолетних извергов в примерных пионеров. Куда подевалась несчастная шавка, никто так и не понял. Убежала, поди. Последнее, что он рассмотрел, – это как один ловкий парнишка подбил ей палкой лапу. Но и на трех ногах можно ускакать далеко...

Когда могила была закидана землей, венки возложены и речи произнесены, он неслышно вышел из тени деревьев, и в тот же момент на сером пасмурном небе выглянуло солнце, заиграв на его невзрачных одеждах множеством солнечных зайчиков и подсветив желтый ежик волос вокруг головы. Его появление порядком напугало немногочисленных посетителей скорбной церемонии прощания. Кто-то из женщин даже вскрикнул от неожиданности. Но он легко прошагал вперед и проговорил:

– Я старший следователь по особо важным делам облпрокуратуры Казарин Артем Сергеевич. Разрешите задать вам несколько вопросов. Как к вам можно обращаться?

– Изольда Генриховна, – лядящая дама неопределенного возраста, которая, как явствовало из холодной и взвешенной речи, которую он только что прослушал, была классной руководительницей покойной, удостоила его ледяным взглядом. – Полагаю, вы могли бы найти более удачные время и место для ваших вопросов.

Артем не стал объяснять, что в «более удачное время» он отлеживался в больнице с огнестрельным ранением. Пуля прошла по касательной, прочертив не слишком глубокую борозду на казаринской лопатке, но несколько неприятных моментов ему все же пришлось пережить. Хотя старшина, только вчера переведенный в обычную палату из реанимации, да и вся областная милиция, пожалуй, даже сочли такой оборот удачным. Человек, похитивший табельный «стечкин», сразу же после выстрела выкинул оружие на асфальт возле морга и скрылся в неизвестном направлении. Оружие было оперативно изъято лично майором Стрижаком, и никто от него серьезно не пострадал. А все могло выйти и гораздо хуже. Сам Казарин провалялся на больничной койке ровно сутки, после чего не выдержал и запросился у врачей на волю. История с безобразной выходкой фанатиков возле городского морга к этому времени как-то сама собой заглохла. Теперь о ней напоминало только противное тягучее ощущение в области левой лопатки.

– Скажите, как относились к Лене одноклассники? Как у нее были дела с учебой? С поведением? – спросил Казарин училку.

– Относились – отлично! С учебой – прекрасно! С поведением – замечательно! – отрезала классная дама, ясно давая понять, что ни на какие вопросы она отвечать не желает.

«Ей бы прекрасно пошла эсэсовская форма», – ухмыльнулся про себя Артем.

– А какая обстановка была у Лены в семье? С кем в последнее время сожительствовала ее мать? – не сдавался он, однако. – А сама Лена ни с кем не встречалась из класса или, быть может, вне школы? – добавил осторожно Казарин.

– Молодой человек. – Чертова стерва презрительно взглянула на Артема поверх бериевского вида очков. – Вы забываетесь! Если вам нужны грязные сплетни – вы обратились не по адресу. Я – советский педагог, а не сексот!

Дальнейший разговор не принес ровным счетом никакой пользы. Училка ни за что не желала оказывать помощь следствию, упорно сыпля заученными словами и фразами: «характеризуется положительно, училась на отлично, поведение демонстрировала примерное, нет, не знаю, я – педагог!». Наверное, из надписей в школьном сортире Казарин мог бы узнать больше, чем из беседы с этой мегерой. Все, что он сейчас услышал, вмещалось в серые картонные корочки личного дела ученицы пятого класса Плотниковой Елены.

Артем прекрасно знал этот тип «советского педагога». Понятие «наказать» для таких означало «публично унижить», главными воспитательными методами служили обзывания и оскорбления, а любимым развлечением – втягивание всего класса в травлю бедолаги, которому не повезло навлечь на себя немилость небожительницы с указкой. Кстати, Казарин давно заметил, что у особо вредных училок и имена всегда какие-то противные, не настоящие, как будто взятые из книжек про гестапо.

Но как же все-таки узнать координаты последнего мужика Вальки фон Кот в пространственно-временном континууме? Таинственный «француз» Жан не давал Артему покоя. Сама Валька, после тщетных попыток Стрижака разговорить ее, была госпитализирована в состоянии жесточайшего алкогольного делирия – добиться от нее чего-либо в ближайшее время не представлялось возможным. Соседи также не рассказали ничего вразумительного.

Поняв, что здесь ему тоже ничего не светит, Казарин попросил гестаповку Изольду Генриховну познакомить его с директором – невнятное выступление этого мужика ему тоже пришлось вытерпеть, стоя в тени кладбищенских

сосенок. Дама энергично ухватила Артема под локоток и подтащила к лысоватому толстяку, похожему на мультяшного Винни-Пуха:

- Вот, Прохор Тихоныч, товарищ из прокуратуры, интересуется...

И так же энергично заковыляла прочь на своих тощих деревянных ходулях, которые, казалось, скрипели при каждом шаге.

Оттеснив толстомясого в сторону чахлой аллейки, Казарин сразу взял быка за рога:

- Прохор Тихонович, вам известно, с кем в последнее время проживала мать Лены? Кто жил в квартире вместе с девочкой?

Директор помялся и ответил:

- Честно говоря, я не компетентен в этом вопросе. У меня их пятьсот тридцать семь душ – всех ведь не упомнишь. Вам лучше обратиться с этим вопросом к классной руководительнице девочки, Изольде Генриховне.

«Вот круг и замкнулся, – подумал Артем. – Так они и будут меня футболивать».

- А вам известно, что над Леной издевались не только домашние и одноклассники, но и учителя? – жестко проговорил он.

По лицу директора Казарин понял, что попал в яблочко.

- Как это – издевались? Почему – издевались? Никто не издевался, – сразу закудахтал тот. – Вы, простите, не педагог и не можете понимать некоторых вещей. В детских жалобах порой сложно отделить истину от игры воображения и инфантильного толкования поступков ровесников и взрослых...

- Речь не о жалобах Лены, а о проверенной следствием информации, – напирал Артем, чувствуя, что он на верном пути. – Поймите, Лена-то никому уже больше не может пожаловаться...

– А в общем, да, вы в чем-то правы, – неожиданно сдался директор. – Аня была странной девочкой...

– Лена! – поправил Казарин.

– Я и говорю – Лена, – как ни в чем не бывало продолжал Прохор Тихонович, неспешно прогуливаясь по заваленной мертвыми листьями кладбищенской аллейке. – Такие дети сами будто притягивают проблемы. От них словно исходит аромат жертвы. Да и религия эта... Педагоги не могли не отреагировать, если ребенок отказывается носить пионерский галстук, а носит, только представьте себе – крест! – В голосе директора зазвучал неподдельный ужас. – Разумеется, Изольда Генриховна, так сказать, превысила свои полномочия. Я имею в виду тот случай... Ну, когда она сорвала крестик с шеи девочки. Но я ее не осуждаю, нет... Так что, конечно, к Анечке относились, мн-мн, неоднозначно – и одноклассники, и педагоги...

– Ее звали Леной, – вновь терпеливо поправил Артем, а сам подумал: дома – мать-алкоголичка, в школе – травля со стороны учителей и одноклассников. Неудивительно, что единственным близким существом у девочки была собака. Дворовый кабысдох Валетка. Как рассказали соседи, Лена очень любила его, подкармливала. А порой горько плакала, обняв дворнягу за кудлатую шею и зарывшись носом в лохматую шерсть...

– А я что говорю? – готовно-согласно закивал директор. – Конечно, конфликтов не могло не быть. А, между прочим, виноваты-то вы...

– Я? – опешил Казарин.

– Нет, конечно, не лично вы, – заторопился директор. – Я имею в виду – вы, взрослые, родители. Дети вам жалуются на противоправное поведение педагогов и одноклассников, а вы решаете их в обход школьной администрации: боитесь испортить отношения. Порой я узнаю о некоторых вещах только на выпускном вечере, когда никто уже никого не боится.

– Вы в своем уме? – разозлился вдруг Артем. – Вы видели ее мать? Она выпивает за раз самогона больше, чем бывает компота в вашей школьной столовой! Вы полагаете, она может вообще хоть что-то решать, кроме того, где взять денег на опохмел? Вы вообще интересуетесь, как и с кем живут ваши ученики? Вы даже

имя вашей ученицы запомнить не можете!

– Да, да, тут вы правы, товарищ следователь, есть у нас еще отдельные недоработки, да, правы, – вновь захохотал директор, как наседка, которую топчет злой кочет. – А что мы с ними поделаем? Это прямо какое-то потерянное поколение! Посмотрите сами, что они вытворяют!

Школяры носились между могил, словно молодые зверята, стреляя из пластмассовых пистолетов и оставляя на свежих холмиках рифленые следы кед. Пионерские галстуки они натянули себе на носы, как в ковбойских фильмах. Со школы Артем помнил, что концы асимметричного треугольника символизируют единство советского общества: самый длинный и острый угол – коммунистическая партия, покорооче – комсомол, а самый тупой кончик – пионерия. Теперь, глядя на пионерские забавы, он понял, почему пионерию символизировал самый тупой угол. Пожилая училка, похожая на наседку, измученную многолетним добросовестным несением яиц, тщетно увещевала пацанов, что галстук – это частица красного знамени, и его нельзя использовать в качестве бандитской маски. То, что бегать по могилам тоже кощунство, ей, видимо, не приходило в голову: галстук важнее памяти каких-то там покойников, многие из которых, наверное, даже не состояли в КПСС! Присмотревшись, Казарин заметил на лацканах школьных пиджачков октябратские звездочки – но непростые: выпуклое изображение кудрявого отрока было спилено напильником, и эмалированные коммунистические пентаграммы превратились в золотые шерифские звезды. Советская педагогика терпела сокрушительное поражение от западного кинематографа.

Один из «ковбоев» поскользнулся на влажной глине, шлепнулся и рассек себе бровь о перекладину ржавого креста, сваренного из кусков арматуры, которая, вероятно, была некогда украдена с соседнего завода. Двое других зверенышей с дикими воплями пробежали по его спине, оставив на темно-синей курточке грязные отпечатки кед.

«Школа, – меланхолично подумал Казарин. – Школьные годы чудесные. Книжки добрые любить и отличниками быть учат в школе...»

Он попытался вызвать в памяти хоть какие-то хорошие воспоминания о школе: радость познания, чувство локтя, первая несмелая любовь... И не смог. Вместо этого в памяти всплыло совсем другое. Травля любого, кто имел несчастье быть хоть чуть-чуть не таким, как все. Дедовщина покруче армейской. Засилье

любимчиков. И жесткие учительские пальцы, больно берущие Артема за загривок и тычущие носом в учебник, воняющий библиотечной плесенью и грибком. Грёбаный концлагерь!

Казарин повернулся спиной к кудахчущему коменданту концлагеря и, не прощаясь, зашагал прочь. Ясно было, что от директора он ничего толком не добьется.

– А это правда, что убийца все внутренности вытащил и унес? – донеслось ему в спину.

Артем вздрогнул и ускорил шаг. Это была не правда – это была лишь часть жуткой правды.

Глава 8

«Овечка сделала аборт...»

Читатель узнаёт о том, как из обезьяны можно сделать человека, а также – чем «андроповка» отличается от настоящей водки, а школьница Лена Плотникова – от обычных девочек.

Когда король Артур, то есть король Артем, словно волшебным мечом Эскалибуром, победил целую армию фанатиков одной початой бутылкой водки, но пал от раны, предательски нанесенной ему в спину, Стрижак, передав поверженного героя в руки медиков, первым делом направился в морг. Там он обнаружил двоих обделавшихся от страха рыцарей круглого, а точнее, прямоугольного стола с заляпанной чаем клеенкой. Одного из них, благородного паладина Жмура, ему, прямо скажем, пришлось извлекать из-под этого самого стола силой. Жмур заполз под него в ожидании, когда полчища врагов ворвутся в осажденный замок, да так и сидел всю дорогу, обняв самую дальнюю ножку, как шимпанзе пальму.

Майору Стрижаку пришлось выступить в роли абстрактного, но неумолимого механизма эволюции, и снять обезьяну-Толика с его импровизированного дерева, твердо поставив его на две конечности. Эволюция жестока, но благотворна. Уже через пять минут Жмур полностью освоил прямохождение, перейдя в стадию хомо эректус. Через пятнадцать минут он унял тремор в передних конечностях и даже научился выполнять ими несложную работу – в частности, держать фляжку, которую ему вручил Стрижак, вынув из кармана форменных брюк. Таким образом, стадия хомо хабилис – человека умелого – также была пройдена Жмуром вполне успешно. А двести граммов из стрижаковой фляжки окончательно сделали из обезьяны-Толика человека, что служило лишним подтверждением верности теории Дарвина и учения Маркса, которое, как помнил Стрижак еще с заочного отделения юрфака, всесильно потому, что верно.

Превратившись в полноценного хомо сапиенс, Толик не стал останавливаться на достигнутом. Помня, что человека из обезьяны сделал труд, он, под ручку со Стрижаком, сразу отправился в анатомичку. Там он извлек из самого дальнего холодильника тело убитой школьницы, которое покинутый наверху в самом плачевном состоянии Лунц с помощью санитаров чудом отбил у толпы. Затем Толик принялся за дело. Стрижак его подбадривал зазорными стихами:

Товарищ, верь, придёт пора

Покоя, радости, достатка.

Но к той поре на наших пятках

Напишут синим номера!

Однако никакое подбадривание не помогло. От некоторых нюансов увиденного тремор вернулся не только в волосатые лапы Жмура, а охватил и все его крупногабаритное естество. Майору Стрижаку, который выразил желание попридти на вскрытии, даже пришлось послать нарочного в уже упоминавшуюся «Птичку» – за волшебным зельем, которое лишь одно способно было унять дрожь дебелий Толика. Там, по странному совпадению, действительно «выкинули» к вечеру несколько ящичков горькой – хоть и не «Столичной», конечно, а обычной нефтяной дрянью с зеленой этикеткой без названия. Водитель Серега вернулся с двумя бутылками этого сомнительного пойла, которое народ уже окрестил «андроповкой» – в честь нового генерального секретаря, при котором она появилась в продаже, чтобы хоть как-

то компенсировать дефицит нормальной водки.

Засосав одним махом содержимое первой бутылки и часто прикладываясь ко второй, Доктор Жмур и майор Стрижак, напросившись к нему в ассистенты, вновь принялись за дело. Толку от Стрижака, честно говоря, даже от трезвого было мало, а уж от пьяного – тем более. Но все остальные сотрудники бюро судмедэкспертизы разбежались в неизвестном направлении, напуганные штурмом морга, предпринятым взбешенной толпой. Так что выбирать Жмуру не приходилось.

– У доктора Айболита был брат – патологоанатом Айподох, – хохмил Стрижак, прихлебывая «андроповку» из мензурки и заедая плавленым сырком «Дружба», прихваченным заботливым Серегой на сдачу.

– Корень языка сломан, язык правалэн в гортань, – задумчиво бормотал Доктор Жмур, не обращая внимания на стрижаковские прибаутки. – Это, как и стриангуляционная паласа на шее, свидэтэльствует о том, что рэбенак был задушен.

Поверхностный осмотр трупа ничего особенно нового не добавил. Трупные пятна располагались как на передней, так и на задней поверхности тела. Это, по мнению Доктора Жмура, свидетельствовало о том, что школьницу сначала убили, затем, после смерти, переворачивали тело с живота на спину, причем, скорее всего, не один раз. И только потом, несколько позже, прикрутили к дереву. Это подтверждалось еще и тем, что багровый след от узла удавки, которой, судя по всему, задушили девочку, был хорошо виден на шее трупа спереди и чуть сбоку. Убийца душил школьницу, находясь с ней лицом к лицу. Возможно, даже глядя в глаза, в которых медленно угасала жизнь...

– Наличие характерных паврэджэний в области палавых органов трупа и абнаруженная при их визуальном асмотрэ спэрма адназначна свидэтэльствуют аб изнасилавании. – Толик благодаря водке «андроповке» уже немного оправился после первого впечатления от осмотра тела и теперь упивался своим некрофилическо-протокольным красноречием. – Это косвэнна падтвэрждаецца мнагачислэнными синяками и кравападтеками, каторые пакрывають всю павэрхнасть кожных пакровов трупа. – Доктор Жмур все же сбился и немного подпортил официальный стиль изложения. – Насильник так давил и мял тэло дэвачки в парывэ страсти, что на нем практичэски нэ асталас живого мэста! Палавые органы и задний праход рэбенка буквальна разварочены этим нелюдем

в сексуальном неистовстве! А еще, по некоторым характерным признакам, я даже сейчас могу сказать, что девачка была беременна. Примерно шестой или седьмой месяц, но точно определить сложно.

– Вот так номер! – выдавил из себя майор.

– Пагади, дарагой! – оборвал его Доктор Жмур. – Она была беременна, но при этом аставалась девственницей! Девственная плэва аставалась не паврежденной до момента изнасилования, который непосредственно предшествовал моменту смерти.

– А ты ничего не путаешь, пьяное грузинское мурло? – с подозрением спросил Стрижак. – Как такое может быть? Это же... чудо какое-то. Единственный подобный случай, который мне известен, описан в Библии, но марксистско-ленинское учение прямо указывает нам, что это всего лишь древнееврейские сказки.

– Да какое, на хрен, чудо! – нетерпеливо отмахнулся Толик. – Такое «чудо» любой гинеколог видит раз в полгода, а то и два раза! Всего лишь асобэнности строения девственной плэвы, которая асталась в цэласти послэ палавого акта! Странно другое...

От избытка чувств руки Жмура опять задрожали, и он, плеснув себе в мензурку «андроповки», отправил водку одним движением в свою косматую пасть. То же самое проделал порядком обалдевший от увиденного Стрижак со своей порцией и своей пастью.

– Так, что там у нас дальше, пасмотрим-ка... – Толик взялся за свои инструменты и сделал первый надрез. Глаза его расширились, он с шумом выпустил воздух из волосатых ноздрей. – Никагда такого не видэл... Мнэ прихадилось прэпарировать трупы женщин, пагибших чэрэз нэскалька часов послэ палавого акта. Но там была савсэм другая картина...

– А в чем дело? – поинтересовался Стрижак, опасливо косясь на глубокий надрез на лобке и животе трупа.

Жмур аккуратно изъясил несколько мазков биоматериала для исследования и лишь потом ответил:

– Паистинэ гигантское каличэство спэрмы во влагалище трупа свидэтэльствует о том, что прэступник савэршил с жертвой нэскалька палавых актов, в том числэ и послэ ее смэрти...

– Ты хочешь сказать... – Стрижак на мгновение задохнулся. – Хочешь сказать, что он... насилывал труп?!

– Вряд ли здэсь примэнимо слово «насилывал», – мрачно отвечал Толик. – Но это прэдпалажение косвэнна падтвэрждается тэм, что убийца нэскалька раз пэрэварачивал тэло...

Договорить он не успел – с полуоткрытых губ мертвой сорвался еле внятный вздох.

* * *

У майора Стрижака имелась одна любопытная особенность организма. На каждое явление окружающей действительности у него находилась своя присказка – грубоватая, но меткая и очень смешная.

«В каждой хорошенькой девушке, в каждой отзывчивой лапушке могут быть где-то запрятаны б... дские гены прабабушки», – предостерегал он Казарина или Толю Жмура, когда один из них в очередной раз влюблялся «навечно» в какую-нибудь симпатичную и с виду добропорядочную особу.

«Из дыры торчат копыта – утонули два джигита!» – печально констатировал Стрижак потом, когда всякая видимость добропорядочности у избранницы друга рассеивалась в слепяще-ярком свете реальности.

«Кудри вьются, кудри вьются, кудри вьются у б... дей. Отчего ж они не вьются у порядочных людей?» – это, разумеется, также относилось к амурным делам не очень удачливых в любви приятелей, которым все никак не удавалось остепениться и найти себе по второй половинке.

Сам Стрижак был давно и счастливо женат на чудесной женщине, которая работала врачом-рентгенологом в светлопутинской областной больнице. Весь

персонал мужского пола от главврача до последнего санитаря сходил с ума по красавице, и было непонятно, чем ее прельстил внешне невзрачный лопухий опер. Друзья не без оснований подозревали: дело в том, что Стрижак просто-напросто умел, как никто другой, виртуозно трепать языком.

Услышав звук, раздавшийся из недр мертвого тела, майор сначала чуть не полез под кушетку от страха, но потом ничего, оправился. Медленно пригладил руками свои уши, которые в этот момент топорщились больше обычного, и потрясенно изрек:

Мимо нашего окна пронесли покойника,

У покойника стояло выше подоконника...

Доктор Жмур не стал оспаривать абсурдность нарисованной Стрижаком жутковатой картины, хотя лучше, чем кто-либо другой, знал, что эрекции у трупов, как правило, не бывает. Однако он так же хорошо знал, что не бывает у мертвецов и дыхательной деятельности. Но знания – знаниями, а труп, который только что еле слышно вздохнул – вот он, тут, на препараторском столе с потемневшим от времени кровостоком, зияет свежевскрытой брюшиной. И на галлюцинацию это дело никак не спишешь: вздох хорошо слышали оба, а случаи коллективных глюков, как помнил Доктор Жмур из курса психиатрии, прослушанного в мединституте много лет назад, – исключительная редкость.

– Хатэл би я тэбэ сказать, будто знаю, что это было, – проговорил Доктор Жмур. – Так хатэл, что даже вспатэл...

Собравшись с духом, Толик вновь взялся за корнцанг и скальпель, с тоской глянув на вторую бутылку «андроповки», из которой Стрижак только что вытряс себе в рот последние капли. Опер после этого еще больше опьянел и пустился в пространные философические рассуждения весьма мрачного свойства:

– А ведь, ежели поразмыслить, то мы все труположцы! Ведь все равно все умрут. Так что мы все гребем потенциально дохлых баб! Вот и выходит, все мы в каком-то смысле некрофилы! Правда, исходя из этого, можно взглянуть на ситуацию и наоборот: это бабы скачут на потенциальных мертвецах...

Не слушая пьяную болтовню начальника угрозыска, Доктор Жмур ввел в разрез расширитель и удивленно присвистнул.

- Что там? - поинтересовался заплетающимся языком Стрижак и, не сдержавшись, нервно хохотнул. - Золото, бриллианты?

- Ни хэра там нэт! - буркнул Толик и, взяв в руки кюретку, стал копаться в разрезанном животе трупа.

- А что есть? - не отставал Стрижак. - Зародыш есть? Или этот, как его - плод?

- Ничэго нэт! - В голосе Толика слышались нотки отчаяния. - Пачти все внутренниие органы будто карова языком слизала!

- Как так может быть? Ведь на теле не было никаких разрезов! - Стрижак, даже пьяный, соображал быстро.

- Пахожэ на вакуумную аспирацию... - задумчиво протянул Доктор Жмур.

- Чего? Какую еще обсирацию? - озадаченно потер уши Стрижак.

- Ну, как при абортэ извлэкают плод с помощью вакуумного атсоса, - пояснил Толик, устало покуривая беломорину, зажатую корнцангом. - Но сдэлана апэрация как-то топорно. Нэ ашыбус, если скажу, что дэвачка умэрла от пневмоэмболии.

- Ты нормально можешь объяснить, чурка нерусская?! - разозлился Стрижак.

- Пневмоэмболия - это кагда крупные сасуды закупариваются ваздушным тромбом, - не обиделся Доктор Жмур. - В полости матки саздается палажитэльное давлэние вмэсто атрицатэльного, и воздух пападает в кравэносную систэму. Пневмоэмболия лэтальна...

- Так ей что, аборт сделали, что ли? - спросил Стрижак, и даже уши его приняли вопросительное выражение.

– То-то и ано, что нэт! – ответствовал Жмур. – Назвать это абортom – все равно как если бы милицию вдруг стали называть палицией, слюшай, такое может быть, а?.. При абортэ пневмоэмболия встрэчается крайнэ рэдко, соврэмэнные вакуумные аспираторы исключают вазможность падачи воздуха в полась матки. Пахожэ, что атсос этот нэлюдь примэнил имэнно для извлэчэния внутрэнностэй. Только агрэгат у нэго был явно какой-то кустарный. Паэтаму, вэраятна, воздух и папал в тэло. А его астатки вишли из трупа, будто он вздахнул. Нэ магу с точностью сказать, кагда имэнна била правэдэна эта бэсчэлавэчная апэрация. То есть, сколько врэмэни прашло послэ смерти дэвачки и бил ли жив плод, кагда его извлэкли из тэла мертвой матэри. Инагда эмбрион живет послэ смэрти бэрэмэнной нэсколько часов. Вазможна, он бил еще жив, кагда убийца савакуплялся с трупом...

Овечка сделала аборт —

Баран припер огромный торт...

Пробормотав одно из своих любимых присловий, Стрижак вновь, в который раз за день, озадаченно пригладил к черепу свои оттопыренные уши.

– Слюшай, Стрижак, аткуда в тваей галавэ столько всякой дряни? – удивленно спросил доктор Жмур.

– Что ты от меня хочешь, если все дети первым произносят слово «мама», а я сказал: «жопа»? – парировал майор и озадаченно добавил: – А ведь никаких биологических остатков мы поблизости от тела не обнаружили. Высосал, значит, плод вместе со всей требухой и унес домой кашку варить, сука... Интересно, зародыш был еще жив?

Глава 9

Чертовщина

Элегические размышления о некрополоической контрацепции, которая, впрочем, всё равно не помогает, прерываются появлением весьма подозрительного субъекта в тёмной болонье, а встреча с далёким предком не сулит ровным

счётом ничего хорошего.

Он лежал на озаренной скурым осенним солнцем дорожке, неестественно вытянувшись и вывалив длинный окровавленный лоскут языка. Над мучительно оскаленной, почерневшей от крови мордой жужжали сонные осенние мухи. Тонкий черный ручеек загубленной песьей жизни наискось пересекал серый от пыли асфальт. Молоденькая мамаша, шедшая, видимо, на могилку к кому-то из родственников, тихо ойкнула. Потом подхватила на руки оторопевшего, готового вот-вот зареветь малыша, пугливо обогнула страшное место, изо всех сил стараясь не смотреть на жуткую находку, и поспешно затрусила прочь, ни разу не оглянувшись.

Тут, по закраине большого и беспорядочного скопища надгробий, изредка ездили автомобили – в основном катафалки, конечно. Подпитывали этот ощетинившийся тысячами крестов организм новой пищей, позволяя ему разрастаться вширь. Видимо, пес, спеша куда-то по своим собачьим делам, мирно перебежал дорогу, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел ревуший железный монстр, походя зацепил злополучную псину и, не сбавляя скорости, умчался в небытие, оставив после себя в воздухе запах бензина и смерти... Сама ли издыхающая животина доползла до края дорожки или ее туда отнесли умирать сердобольные граждане – было неясно. «Да это, в сущности, и неважно, – подумал Артем. – Ну, задавили Шарика – и задавили. Что тут такого? Каждый день давят. Не человек же... Как говорится: собаке – собачья смерть...»

Казарин пригляделся и неожиданно узнал в дохлятине то самое шавло, которое внесло своим появлением некоторую веселую сумятицу в размеренный ход похорон. Видимо, псина угодила под колеса, когда удирала со всех ног от преследовавших ее жестоких детей. Со времени окончания церемонии прощания прошло минут сорок, и все эти минуты были потрачены впустую – на разговоры с педагогами и одноклассниками убитой девочки Лены Плотниковой. Одна горечь да мразь во рту от этих бесполезных разговоров, будто с тяжелого похмелья.

Внезапно Артем вздрогнул: да это же никакой не Шарик! Перед его внутренним взором живо предстали ободранные трубы и тощие собачьи бока с выпирающими, будто готовыми порвать шкуру ребрами. Боже мой, да это же Валетка...

Вряд ли пес сам мог прибежать на кладбище через весь город. Это было совсем уж невероятно. Да и как бы он нашел дорогу? Скорее всего, кто-нибудь прихватил его под шумок с собой. Ненадолго же он пережил свою хозяйку... Ну и ладно, пес с ним.

Казарин широко зашагал по кладбищенской аллейке, заваленной прелым мертвым листом. А сам между тем так и эдак прикидывал шиш к носу, то есть сведения о результатах вскрытия тела, которые сообщил ему майор Стрижак, к тому, что он узнал только что. То и другое никак не желало складываться в единую систему. И еще: Артема очень интересовал таинственный «француз» Жан, на которого пока никак не удавалось выйти. Местные оперативники никого с такой или похожей кличкой не припомнили, по прежним уголовным делам ничего подобного также не проходило.

В воздухе висел тяжелый терпкий запах осени и тлена. Многие надгробия, встретившиеся по пути Казарину, были аккуратно затянуты целлофановой пленкой. Безутешные родственники ревниво заботились о последнем пристанище родных мертвецов: неподалеку от городского кладбища располагался светлопутинский асфальтовый завод, который безбожно чадил двадцать четыре часа в сутки. От этого гранит покрывался тонким серым налетом, который невозможно было отчистить. Так и стояли многие камни, будто на них натянули полиэтиленовые пакеты. Или презервативы. Этакая контрацепция – чтобы могилы не размножались. Но, видимо, контрацептивы попались бракованные, как и все советские «изделия номер два»[5 - Называть презервативы резиновым изделием номер два начали в Советском Союзе. Считается, что в СССР нумеровали различные виды резины, отличающиеся друг от друга плотностью. Так, «Резиновым изделием № 1» называли противогаз, «№ 2» – презерватив, «№ 3» – ластик, а «№ 4» – галоши. Хотя ходил устойчивый слух, будто номера – это указание на размер. Мол, № 1 – самый маленький, и его мужчины не покупали из гордости, поэтому он не прижился. А третий номер для большинства слишком велик, поэтому также не пользовался спросом. Поэтому в итоге так исторически сложилось, что в производство стали запускать только размер № 2. Однако даже его катастрофически не хватало, и «Резиновое изделие № 2» было в СССР большим дефицитом.]: захоронения множились год от года, и погост расползался вширь, словно раковая опухоль. Эта пугающая несытость громадного кладбища ощущалась на почти физическом уровне – будто утроба некоего хтонического чудовища совсем рядом урчала, жаждала, звала...

Впереди между ржавых покосившихся крестов мелькнула спина, обтянутая темной болоньей. Этого мужчину в капюшоне, почти полностью закрывавшем лицо, Артем заметил еще во время церемонии погребения – он, как и сам Казарин, стоял в тени деревьев, наособицу от жиденькой делегации прощающихся. Артему стало интересно. Может, хоть этот скажет что-то путное. Он ускорил шаги и окликнул болоньевого:

– Эй, гражданин!

«Гражданин», не оглядываясь, перешел на бег, ловко петляя промеж могилами и стволами чахлах кладбищенских кленов.

«Только этого еще не хватало!» – заругался про себя Казарин, запахнул на груди такую же бурую болонью и припустил следом.

Синтетический дождевик протекал по всем швам в дождливую погоду, а в солнечную превращался в парник, в котором, наверное, отменно шли бы в рост огурцы и помидоры. Говорят, итальяшки изобрели эту ткань в качестве рабочей одежды, а у нас она служила символом эдакого импортного шика. С одеждой в совке наблюдался такой же дефицит, как и со всем остальным. Похоже, незнакомец купил свой плащик в том же городском универмаге, где прошлой весной прибарахлился и Артем.

Дальше началась форменная чертовщина, очень напоминавшая проделки нечистой силы из странного романа про Сатану, посетившего советскую Москву, который Казарин читал лет десять назад в «самиздате». На первый взгляд человек, за которым он гнался, двигался не так уж и быстро. Однако Артем уже начал выбиваться из сил, а болоньева спина по-прежнему маячила в отдалении, как заколдованная.

Подошвы ботинок разъезжались на склизкой листовяной падали. Пару раз Казарин «не справился с управлением» и вписался в железные прутья оград – один раз коленкой, а другой – чуть не насадился на заостренные прутья ребрами. Все было очень похоже на дурной сон, когда гонишься за кем-то и никак не можешь догнать. Впереди на том же расстоянии издевательски мелькала среди облезлых надгробий темная фигура в остроконечном капюшоне.

Казарин обнаружил, что, увлекшись погоней, он очутился в самой дальней, старинной части кладбища. Красные звездочки на безликих пирамидках и ржавые, сваренные из арматуры кресты сменились покосившимися мраморными ангелами и расколотыми плитами с полустертыми «ерами» и «ятями». Целлофановыми «гондонами» здесь и не пахло: не только большинство покойников, но и их ближайшая родня явно почили в бозе задолго до внедрения новейших достижений химии в быт.

Артем зазевался, глядя на мраморную девицу слева от себя. Покрывало, в которое нарядил ее давно умерший скульптор, столь фривольно сползло с изящной фигурки, приоткрывая взору путника пышные мраморные перси, что весь облик памятника ну никак не вязался с той печальной функцией, которую он выполнял. Этой статуе скорее приличествовало стоять в каком-нибудь борделе для купцов различных гильдий и чиновников средней руки, чем оплакивать усопшего. Отведя наконец глаза от чересчур соблазнительного надгробия, Казарин с неудовольствием обнаружил, что обтянутая болоньей спина куда-то запропастилась.

Он заметался между могил, как заяц-подранок, пытаясь высмотреть среди памятников долговязую фигуру беглеца. Но тот словно сквозь землю провалился. Дурной сон никак не хотел заканчиваться. Артем бросался то влево, то вправо, пытался двигаться широким зигзагом, как собака-ищейка, работу которой ему до этого не раз приходилось наблюдать. Но все было напрасно: он только порвал брюки о старую покосившуюся оградку и вымазал ботинки в липкой кладбищенской глине.

Наконец запыхавшийся Казарин облокотился на высокий старинный крест, чтобы хоть немного отдышаться. Вдруг откуда-то сверху на надгробный памятник спикировала жирная ворона. Она принялась чистить иссиня-черные перья, нахально подвернув Артему облезлую задницу с частично выдраным хвостом.

– Пшла вон, дура! – цыкнул на нее Казарин.

Птица прервала свой туалет, внимательно посмотрев на него осмысленным глазом-бусинкой, и вдруг картаво, но вполне отчетливо произнесла:

– Спи спокойно, дорррогой товаррищ!

И метко цыкнула из-под куцего хвоста белой, как сперма, дрянью прямо Казарину в лицо.

Он отшатнулся от демонической птицы, размазывая по щеке вонючую воронью метку. Тяжелые впечатления этого дня дали о себе знать. У Артема наконец сдали нервы, и он бросился бежать, не разбирая дороги. В спину ему неслось хриплое карканье:

– Пусть будет земля тебе пухом! Крррепко деррррим знамя коммунизма, пррринятое из твоих рррук, товаррищ!

На бегу Казарин запнулся за низенький, вероятно, детский памятник, и ничком шлепнулся в находившуюся за ним могилу, порядком просевшую за давностью лет. Правой рукой он напоролся на какую-то ржавую арматуру и выматерился от резкой боли. А затем сразу же забыл про нее, уставившись на буквы, выбитые на надгробной плите, почти полностью вросшей в землю.

«Титу... ..никъ Артем... Казар...». – Надпись была присыпана землей и некогда иссохшими, а сейчас отсыревшими и пахнущими гнилью мумиями листьев. Артем принялся разгребать этот мусор руками, оставляя на камне кровавые отпечатки распоротой ладони. Наконец он прочитал, шевеля губами и не веря собственным глазам:

«Титулярный сов?тникъ

Артемій Казаринъ»

И это все – никаких дат рождения и смерти, если они, конечно, не были полностью стерты неумолимым временем. Вместо них чуть ниже была выбита странная, двусмысленная эпитафия:

«Рождєніє – не начало, смерть – не конец».

Волосы зашевелились у Артема на заливке. Конечно, логика тут же начала нашептывать про случайного тезку или в крайнем случае какого-то давно позабытого дальнего предка (ага, конечно, вот тут, почти в двух тысячах километров от родного Питера!). И ведь даже чин покоившегося под плитой господина примерно соответствовал Артёмову – историю на его родном юрфаке преподавали серьезно, и Казарин неплохо помнил петровскую «Табель о рангах». Тяжелое предчувствие чего-то неотвратимого и ужасного вдруг сдавило ему сердце.

И тут же на него обрушилась с небес громко галдящая бесформенная черная туча. С победными криками гнусная эскадрилья раз за разом бесстрашно атаковала скорчившегося на земле человека. Крепкие клювы впивались в не защищенные одеждой участки тела. Растрепанные черные твари лезли в лицо, норовя выклевать глаза. Щеки, лоб и голова Артема кровоточили в нескольких местах. Ему все же удалось схватить рукой одну из бестий и размозжить ее тушку о могильную плиту так, что кровь брызнула ему прямо в лицо. Это на миг ослабило силу атаки – все же черным тварям не было чуждо чувство страха. Воспользовавшись секундной передышкой, подаренной ему пернатыми исчадиями ада, Казарин, ослепший от заливавшей его лицо своей и чужой крови, вскочил на ноги и из последних сил кинулся наутек.

Но вскоре силы иссякли. Изувеченный болезненными и глубокими ударами длинных клювов, оглохший от истошных криков летающих бестий, Казарин в изнеможении повалился на какой-то длинный, опрокинутый на землю памятник, и свернулся калачиком, приняв позу эмбриона. Он понял, что убежать от жутких крылатых преследователей ему не удастся.

Глава 10

Овал на сером обелиске

Главный герой знакомится с краткой биографией купца первой гильдии Никодима Перфильевича Синябрюхова, которая ему совершенно не интересна, но зато получает очень важную подсказку.

– Сойди с Голгофы, добрый человек, – услышал скукожившийся на могильном камне Артем подле себя надтреснутый стариковский голос. Но не повел и ухом: у него явно начались галлюцинации. Второй странностью было то, что галдевшие секунду назад птицы вдруг смолкли, словно по команде.

– Кыш, кыш, проклятые! – проговорил тот же старческий голос вновь, уже громче. – Не нужны никому ваши птенчики. Их уж и в живых нет давно. Это злые детки гнезда зорят, потомство ваше губят. Летите прочь, не троньте невинную душеньку...

Казарин оторвал гудящую малиновым звоном башку от надгробия и протер залитые кровью глаза. У соседнего покривившегося креста притулился ветхозаветного вида старичок с узловатым батожком в сухой ладошке. Этим батожком сивый от старости дедуган размахивал над головой, распугивая кружившую в воздухе стаю грязноватых ворон. Птицы сделали еще круг над местом несостоявшегося побоища и, словно повинувшись отданному старичком приказанию, сбились в бесформенную кучу, а потом потянулись куда-то к окраине кладбища. Артем перевел дух.

– Какая Голгофа? – спросил он устало. – Ты, дедушка, наверное, меня с кем-то попутал (с Иисусом Христом? – промелькнуло в голове, но не выговорилось). Однако все равно спасибо тебе, дед. Ты меня просто спас.

– Голгофа, сынок, енто камушек могильный, на котором ты разлегся, аки навоз на сене, – чуть назидательно отвечал старикан. – Потому как сотворен в виде горы Голгофской, на коей Господь наш Иисус муки крестные принял[6 - Голгофа – присущая исключительно русскому православию форма надгробного памятника. Представляет собой монумент со сравнительно небольшим основанием, часто по форме напоминающим кусок скалы, на котором пишутся имя усопшего и даты его смерти, со стоящим на вершине большим гранитным или мраморным крестом. В царской России голгофы были самым распространенным типом надгробного сооружения для высшего сословия. Все мастерские той поры соревновались друг с другом в утонченности исполнения этого памятника.]. Сойди, милоч, не гневи Бога...

Казарин, кряхтя, сполз задницей с покрытого мягким мхом продолговатого обелиска, присел рядышком на землю и уставился на старичка.

– Дедуль, а я ведь чуть в штаны не наложил, когда на меня вороны напали, – нехотя признался он. – Не допетрил, что дело всего лишь в каких-то паршивых птенцах, которых у них пацанва попятила.

Старец тяжело вздохнул, но ничего не ответил.

– Слушай, дед, а тут у вас правда вороны говорят или я уже с ума схожу? – спросил затем Артем, внимательно присматриваясь к старику.

– Говорят, мил человек. Отчего ж не говорить, коли разум и живая душа имеются, – смиренно отвечал дедок, сложив на батожок сухонькие узловатые длани, густо крапленные старческими веснушками, которые зовутся в народе «кладбищенскими цветочками». – Тут на похоронах всяко-разной говори наслушаешься, сам начнешь тарыхтеть про верность покойного делу коммунизма и заветам великого Ленина...

Последние слова настолько не вязались с ветхозаветным обликом старикашки, что звучали в его устах совершенно дико. Артем поморщился – он сам, несмотря на репрессированного отца и довольно ироничное отношение к трескучей пропаганде Советской власти, был и оставался убежденным коммунистом, – но смолчал. Он уже понял, что, скорее всего, имеет дело с сумасшедшим. Наконец, еще немного подумав, Казарин все же решился и заговорил совсем про другое:

– А скажи, дедан... Ты тут, я гляжу, человек бывалый, можно сказать, свой. Не знаешь ли, что это за могила титулярного советника Артемия Казарина? Кто таков, чем знаменит?

– Я туточки, почитай, кажинную могилочку на перечет знаю-ведаю, каждого покойничка знаю, – призадумался дедок. – Но такого чтой-то не припомню... Натурально, ентого господина здесь отродясь не лёживало.

Артем окончательно убедился, что он имеет дело с психом.

– Ты чего, дед, совсем уже сбрендил тут со своими могилами? – заорал он на старика, вскочил на ноги и захромал в направлении места вечного упокоения титулярного советника Казарина. Благо оно было совсем рядышком.

Но надгробной плиты Артемия Казарина на прежнем месте почему-то не оказалось. Вместо нее над провалившейся могилой нависало громоздкое, как старый комод, надгробие купца первой гильдии Никодима Перфильевича Синебрюхова, украшенное аляповатыми и безвкусными завитушками.

Артем рухнул на продранные коленки и принялся ощупывать, оглаживать выщербленный непогодой камень, будто разуверился в исправности своих глаз, и лишь органы осязания могли убедить его в очевидном. Однако все было чин-чином: родился Никодим Перфильевич в год нашествия на Россию-матушку полчищ Наполеона, а усоп – в лето от рождества Христова 1898-е, в кое, как извещала вычурная надпись на надгробии, состоялась также коронация государя императора Николая Второго. Ниже дат жизни купца первой гильдии, которые, по мнению его родни, вставляли в один ряд с такими событиями, как Отечественная война и коронация последнего русского царя, было выбито совсем другим шрифтом, простым и строгим:

«Такъ иногда вечерний свѣтъ

Являетъ то намъ, чего нетъ...»

Все остальные могилы вокруг вроде бы имели тот же вид, что и пять минут назад, – Артем точно не помнил, поскольку пронесся мимо них вихрем, атакуемый воронами, и толком их не разглядывал. Во всяком случае, деться надгробию титулярного тезки было решительно некуда – разве что полностью уйти под землю, что показалось Казарину совсем уж невероятным. Но он все же попробовал копать руками рыхлую после дождя землю перед мраморным комодом купца первой гильдии. Разумеется – безуспешно: никакого следа прежнего камня Казарин не обнаружил.

«Так иногда вечерний свет // Являет то нам, чего нет...» – издевательски кривлялись перед его глазами ровные вроде бы буквы.

Артем потряс башкой и только тут заметил, что действительно начинает смеркаться. Черт бы побрал все эти погосты и похороны! Погребение состоялось с утра, но каким-то парадоксальным образом выходило так, что он проплутал по обширному черногрязинскому городскому кладбищу до самого вечера. Как такое могло случиться – Казарин не представлял, но факт оставался фактом. Да уж,

денек выдался – что надо. Кряхтя, он поднялся с колен и поковылял обратно к старику. Хоть он-то никуда не исчез. На сегодня с Артема уже хватило загадочных исчезновений.

– Ладно, дед, еще раз спасибо тебе. Бывай, – сказал он старикану.

– И то верно, – мелко затряс головой дедуган. – И это правильно. Живым с мертвыми делать нечего. Им надобно быть со своими, – и неожиданно оживился. – Скоро по телевизору «Отверженных» показывать будут. Слышал про такое кино, сынок? Оно по книжке снято, что Виктор Гюго написал.

Старик произнес имя знаменитого писателя по-простецки, с ударением на первом слогe, будто говорил о каком-нибудь своем закадычном приятеле, с которым вчера распивал бражку на одной из соседних могилок. Затем он позвал кого-то:

– Цыган!

Из кустов, отряхиваясь, выбрался огромный, угольно-черный пес никчемной породы. Длинная шерсть его была украшена намертво запутавшимися в ней репьями.

– Пошли, Цыган, кабы не пропустить нам с тобой кинишко-то. А то без кина я и не засыпаю нонеча, – посетовал дед и, не прощаясь с Артемом, заковылял куда-то вслед за своим черным как смоль кабысдохом.

В башке Казарина что-то щелкнуло. «Отверженные». Главного героя там звали Жан Вальжан, да и в главной роли, кажется, тоже Жан – Габен. А псину зовут Цыганом... Это же элементарно! Как он сразу не догадался? Жаном в этой точке пространственно-временного континуума могут звать человека только в двух случаях: либо он откуда-то из книжки или телевизора, либо, черт его раздери, – цыган!

Столетний дед, неспоро ковылявший между могил, обернулся, облокотившись на оградку, и прошептал что-то почти белыми от древности губами. Артем то ли услышал, то ли угадал, то ли придумал:

- Рождение – не начало, смерть – не конец...

Выбравшись на самую окраину кладбища, Казарин вдруг случайно зацепил глазом выцветший, как стариковское бельмо, овалчик на бетонном обелиске – и вздрогнул уже далеко не в первый раз за этот довольно теплый осенний день. Из мутной белизны, словно из яйца, в котором плавал зародыш какой-то новой неведомой жизни, на него глядел с печальной всепонимающей улыбкой хозяин пса по имени Цыган.

Глава 11

Огуречный барон

Главный герой оказывается в гостях у людей, совершенно не по заслугам прозванных в честь важной сельскохозяйственной культуры, и узнаёт, почему к ним применимо содержание статьи двести двадцать восьмой УК РСФСР.

- Тут главное даже не останавливаться! – поучал Стрижак водителя Серегу, удобно развалившись на сиденье ментовского «газика». – Они ведь тебе не сразу гадать предложат. Остановят самым невиннейшим вопросом: «Как пройти на улицу Герцена?» И вот ты уже на крючке. Дальше начнут забалтывать. А язык у них подвешен – будь здоров, Кацнельзон из коллегии адвокатов в этом плане у цыганья чинарики стрелять не достоин! Ты обалдеваешь от шума-гама и даже не замечаешь, как цыганка вырвет у тебя волос. Потом эта Кармен заставит тебя плюнуть на него, начнет вещать, чего она там видит. И скажет: а достань-ка, милый, денежку, надо завернуть в нее волос! Купюра исчезнет, а ты даже не заметишь – цыганка скажет: на кладбище улетела! И благодари Бога, если у тебя еще кошелек при этом не вырвут.

Серега неопределенно хмыкнул, продолжая сжимать баранку.

- Потерпевшие-то в основном – старики! – сокрушался Стрижак, которому было обидно то ли за этих самых стариков, то ли за невнимание Сереги. – Они ж все больные насквозь! Революция, коллективизация, война, разруха! Немало

пережило наше старичье, чего говорить. Так что они с радостью принимают предложение таким вот образом «подлечиться». А потом рыдают перед нами: «Ведь я понимаю, я старая, у меня все болит! Какая порча, мне уж помирать пора!»

Ментовский «газик» трясся как паралитик, на разрыв движка преодолевая колдоёбины частного сектора, где издавна селились местные цыгане. Артем размышлял, подскакивая на вытертом милицейскими и бандитскими задницами сиденье. «Волшебный телефон» на этот раз не подвел: уроженец села Бузеску Молдавской ССР Жан Янович Мундяну действительно был временно прописан в Светлопутинске, в районе с красноречивым названием Морики, что на блатной фене, как известно, означает «цыгане». И, что еще интереснее, около года назад он освободился из мест не столь отдаленных, где отбывал наказание не за что попало, а за совращение малолетней. В общем, поразмыслить было о чем.

– Я ж как раз начинал службу в Ленинском отделе, к которому относится, в частности, и сей злачный райончик, – продолжал вещать Стрижак, качая ушами, словно опахалами. – Здесь проживают в основном «огурцы» – выходцы то ли из Молдавии, то ли из Венгрии, хрен их разберет. А по-ихнему – крестовецони, что ли? Язык сломаешь, пока выговоришь!

– Почему – «огурцы»? – отвлекся от своих мыслей Артем.

– Потому что не ананасы! – лаконично отвечал Стрижак. – Почему я знаю – «огурцы», и всё.

– Слушай, Стрижак, а скажи: это нормально – разговаривать на кладбище с умершими? – вдруг невпопад спросил Казарин.

Майор пристально посмотрел на него, подумал и ответил:

– Нормально. Главное, чтоб они тебе не отвечали.

По сигналу Стрижака «рашен джип» притормозил у забора, на котором были нацарапаны различные слова отнюдь не на цыганском наречии. «Газик» сразу же со всех сторон облепили чумазые оборванные ребятишки.

– Где тут у вас барон, ромалы? – без всяких предисловий спросил майор. – У нас к нему дело.

Несколько смуглых пальцев указали вверх по улице.

Матерящийся Серега остался отгонять цыганят от машины, а Артем со Стрижаком двинулись в указанном направлении.

– А что, мы правда идем к настоящему барону? – спросил Казарин. – Может, он еще и в замке живет, как полагается титулованной особе?

– Да какой, к черту, барон! – разозлился Стрижак на Артемову неосведомленность. – «Баро» по-цыгански означает «большой», «старший», и ничего больше. А вот замок, думаю, у него и впрямь имеется не хуже королевского.

– Как так? – удивился Артем.

– А вот так, – ухмыльнулся Стрижак. – Думаешь, как баронами становятся? Выпихиваются мамкой на кружевные пеленочки с вензелем? Ни фига подобного! Поселился где-нибудь табор, приезжает туда в первый раз милиция. Все попрятались, понятно. А один кто-нибудь не боится, выходит говорить с ментами. Знакомится. Денег дает. И все – после этого он барон. Потому что люди же видят: все боятся, а этот выходит и разруливает.

– И чего, цыгане ему налоги платят, как мы с тобой – советской власти? – хмыкнул Казарин.

– Ну вот смотри. Я – простой цыган, у меня нет связей ни в райсовете, ни в милиции, – продолжал разглагольствовать Стрижак.

Артем не сдержался – хихикнул: уж очень вид лопухого майора в форменном картузе с кокардой не вязался с образом «простого цыгана».

– Чего ты ржешь? – удивился Стрижак. – Я ж серьезно. К кому я там пойду, чуть чего? А барон идет к начальству, договаривается, чтобы свет провели, чтоб не прогоняли. Если мы, менты, закрыли кого-то из табора – опять же, кто идет в

милицию? Барон! Его там знают, он там всех с руки кормит. Надо выкупить своего у ментов или взятку дать в райсовете – идет по табору. У кого червонец возьмет, у кого пять рублей, у кого – рупь. Ну и себя не забывает, понятное дело.

– Может, тогда местного участкового надо было прихватить? – засомневался Казарин. – Он-то точно всех тут знает.

– Как бы не так! – ухмыльнулся Стрижак. – Попробуй только местным ментам заикнуться, кого мы ищем, – и ты этого своего Жана до пенсии разыскивать будешь! Потому что местным от цыганья и бабки, и инфы оперативная капает. Так что мигом сольют твою ориентировочку кому надо, и тю-тю твой подозреваемый! Я тебе сейчас одну штуку покажу – учись, как работать надо. Операция пройдет как по маслу!

– Операция «Ы»... – скептически хмыкнул Казарин.

Но операция прошла «ы» гладко, «ы» быстро.

Стрижак не ошибся – в конце невзрачной улочки, состоявшей из обшарпанных барачков, высился замок не замок, дворец не дворец, а узорчатое чудо, похожее на свадебный торт в розочках и виньетках. Вершину «торта» украшала фаллического вида башенка с круглой красной крышей. «Опять всякая хрень лезет в башку», – мрачно констатировал Артем. В окошке хренообразной башенки горел свет.

Из-за внушительного забора особняка раздался хриплый басовитый лай, но Стрижак и ухом не повел. Он, кряхтя, подтянулся на заборе на руках и рванул низко висевший провод, протянутый к «замку» – его обитатели явно были подключены к электросети несанкционированно и пользовались «лампочками Ильича» на дармовщинку. Как, впрочем, и всеми другими дарами советской власти, подумалось Казарину. Свет в окошке фаллической башенки погас, будто кто-то задул игрушечный фонарик.

– Пошли! – скомандовал Стрижак, отдуваясь.

На настойчивый стук майора дверца в крепких воротах приоткрылась. Стрижак тут же засунул в нее ногу и поднажал. Через мгновение он и Артем оказались в чистом, ухоженном дворике. Пышнотелая цыганская матрона удерживала за

ошейник кавказскую овчарку невероятных размеров и лохматости. Нос и морда псины собрались в складки, обнажив клыки длиной и толщиной с палец взрослого человека.

Толстуха оглядела форму Стрижака внимательными глазами-черносливами, лишь слегка мазнула взглядом по скромному пиджачку Казарина. И, видимо, решив, что спорить бесполезно, махнула свободной рукой: мол, проходите, раз приперлись, чего уж там.

Незванные гости прошли через темную переднюю и оказались в роскошном зале. Все здесь было по-цыгански ярко, сусально и аляповато. Одутловатые, будто опухшие от пьянства амурчики на потолке, казалось, не в силах больше удерживать свои целлюлитные тела на высоте и вот-вот рухнут на вошедших. Гардины прогибались под весом тяжелых бархатных занавесей с громадными позолоченными кистями. Бледные цветные пятна от витражей ползали по тучному, упакованному в шелковый халат телу, расплывшемуся по дивану. Перед толстомясым смуглым мужиком красовались чудеса импортной техники – телевизор новейшей модификации с громадным экраном и видеомэгафон с гордой надписью «Panasonic». Видак Артем, признаться, лицезрел так близко впервые в жизни – до этого он любовался на чудо японской техники только издали, на нелегальных просмотрах полузапрещенных западных боевиков дома у друзей, куда набивалась куча народу, или в городском клубе ДОСААФ. Разглядывая японскую чудо-технику, Казарин не сразу заметил, что толстяк в комнате не один – в его ногах примостилось на подушках еще несколько цыган. Но все они совершенно терялись на фоне монументальной туши барона. Бесформенную голову толстяка, несмотря на его домашний наряд, украшала фетровая шляпа с полями невероятных размеров.

– Ну что, начальник, заходи, раз пришел, – пробуркотала туша с легким акцентом и почесала наливную сиську, которую украшали надпись «Puma» и изображение дикой кошки в броске. Артема туша, похоже, не воспринимала как объект, достойный внимания. Ну и ладно.

– Прости, уважаемый, свет отключили, сволочи. За что честные совейские граждане лавэ башляют? Так обидно, будто сам башляю, ты не поверишь, – ослабилась туша.

Свита у ног барона угодливо захихикала.

Стрижак и Артем примостились на принесенных специально для них молчаливой толстухой скрипучих венских стульях.

– Рассказывай, зачем пришел, – вновь заговорила туша уже с ноткой нетерпения и еще раз почесала фирменный сисяк.

Стрижак коротко изложил суть дела, утаив, однако, что человек с экзотическим французским именем нужен ему отнюдь не для того, чтобы взять у него автограф и сфотографироваться вместе на волшебный аппарат «Поляроид», который лежал на диване возле барона, рискуя быть раздавленным его монументальной задницей.

– Ну ты даешь, начальник! – издевательски захохотала, заулюлюкала туша, сотрясаясь всеми многочисленными складками. – Чтоб я тебе нашего человека вот так, за здорово живешь, взял и выдал? А мне потом куда? На вокзал анашой торговать?

Свита у ног огуречного барона угрожающе загудела.

Стрижак пригладил уши и вдруг цепко ухватился за видик, дремавший без электропитания на тумбочке перед бароном. Огуречный аристократ сделал движение рукой с грязноватыми пальцами, униженными громадными перстнями, порываясь выхватить у мента роскошную технику. Но вовремя одумался. Да Стрижак и сам уже поставил видик на место.

– А что это вы тут смотрели, огурчики вы мои малосольные, на этом чудесном аппарате, который стоит три моих годовых зарплаты? – вкрадчиво проговорил мент. – Не иначе, как фильм «Ленин в Октябре» или запись речи Леонида Ильича Брежнева на двадцать шестом съезде КПСС?.. Не может быть! – Стрижак состроил огорченную мину, привскочил со стула и ловко выудил из-под задницы барона яркую картонную коробочку, с которой улыбалась лядащая голая девка, явно вырезанная из какого-то заграничного журнальчика и кое-как наклеенная на картон. – Что я вижу! «Грее-чес-ка-я смо-ков-ни-ца»! – прочитал Стрижак по слогам фломастерные каракули. – Статья двести двадцать восьмая УК РСФСР! Распространение порнографии карается лишением свободы на срок до трех лет. А оно, безусловно, имело место – ты ж тут не один теребонькал, а в теплой огурцовой компании. Стало быть, распространение, как говорится, налицо. Попался, порнушник поганый!

Барон наконец не выдержал и вцепился волосатой лапой в видик. Он тискал толстыми пальцами изящную панель, тыкал многочисленные миниатюрные кнопочки, пытаясь выковырять злосчастную кассету. Но ни черта у него не получалось. Шляпа все время сползала ему на глаза, и он нетерпеливо водружал ее на место жирной мохнатой пятерней, униженной множеством хищных перстней с застывшими в янтаре мухами. Огурцы благоразумно помалкивали, ожидая, чем все закончится.

– Ты зубками ее, зубками! – довольно захохотал Стрижак со стула. – Думаешь, я зря тебе электричество обрубил? Без него ты кассету ни в жизнь не достанешь – кассетоприемник не откроется. Сейчас конфискуем твой видак вместе с его недостойным морального облика советского гражданина цыганской национальности содержимым. Попался ты с поличным, мой похотливый друг. Так что, зову понятых? И можешь не сомневаться, что все они будут не из твоего табора...

Глава 12

Боров с «крылушками»

Главный герой узнаёт о донельзя странных гастрономических пристрастиях некоторых людей, после чего его посещают воспоминания из детства не самого радужного свойства, а затем на него сваливается неожиданное приглашение от загадочного человека с труднопроизносимым именем.

Видеомагнитофон в СССР был предметом если не запрещенным, то запретным. Во-первых, стоил он как новенький автомобиль, и обычным советским людям, живущим на трудовые доходы, был не по карману. «Видаки», как их называли в просторечии, приобретали в загранпоездках известные актеры, певцы, академики – а также цеховики, валютчики и прочие воротилы подпольного бизнеса. Поговаривали, что квартиры, в которых есть видеомагнитофоны, умеют вычислять с помощью специального оборудования воры. И сотрудники правоохранительных органов тоже. Счастливый владелец чуда японской техники, который решил устроить платный показ для «надежных» людей, рисковал схлопотать срок за незаконное предпринимательство, если один из

этих «надежных» оказывался сукой. А если на том показе крутили «Греческую смоковницу» или «Эммануэль» – то еще и за распространение порнографии. Самым простым способом взять организатора подпольного кинопоказа с поличным было – отключить в его жилище электроэнергию. И вот уже погас экран, где за секунду до этого демонстрировала свои соблазнительные прелести бесстыжая заграничная актриса Сильвия Кристель, захлебнулся гнусавый тенорок переводчика, который, говорят, нарочно зажимал нос бельевой прищепкой, чтобы в КГБ не вычислили его по голосу. А кассета осталась в кассетоприемнике неопровержимой уликой, и вытащить ее оттуда – никакой возможности.

Из глаз барона выкатывались настоящие слезы – крупные, как горошины. Видно было, что ему совсем не хочется в тюрьму. Огурцы в страхе забились по углам – похоже, главогурец был из тех, кто не прочь потом отыгаться на невольных свидетелях своего унижения.

– Так чего ты там вякал про свою баронскую честь, огурчик ты мой пупырчатый? – наконец сладенько пропел Стрижак, вдоволь насладившись произведенным эффектом. – Это нонче большая роскошь – с честью, да на свободе...

– Да какая, к черту, честь, срать я на него хотел во всю ширину задницы! Бикалценди![7 - Беспортошный (цыганск.).] Наркоман опущенный! – с полуслова понял барон намек Стрижака и заторопился, стараясь услужить человеку в скромных ментовских погонах, от которого сейчас зависело – отнимут у него «Греческую смоковницу» и эти цветные блики витражей или все останется как есть. – Плохо себя ведет, совсем плохо, начальник. Люди им недовольны. Вчера ему так и сказали: уходи, куда хочешь! Он же не только гажё – русских, он уже и ромов наших на иглу сажает! А я его покрывать буду? Все, все скажу, начальник!..

* * *

...Казарин едва успевал за Стрижаком, широко шагавшим вдоль гнилых покосившихся заборов.

– Где здесь наркоманский дом? – спросил он у цыганят, которые по-прежнему крутились возле приезжих в чайные подачки.

– Туда ходи, – показал старший пацан грязным пальцем на самую крайнюю развалюху с мутными бельмами маленьких окошек. – Там наркоманы живут!

Стрижак пинком выбил хлипкую калитку, и они на пару с Артемом ворвались в жалкую лачугу. Внутри и правда оказался притон. В спертом воздухе стоял чад и нестерпимо воняло какой-то гадостью – будто тушили несвежее мясо. Где-то недалеко надрывался резким кошачьим криком младенец.

Казарин шагнул в боковую каморку. На промятом диване с торчащими во все стороны пружинами лежал человек без штанов. Ноги его были раскорячены, как у вокзальной шлюхи, готовой обслужить командированного. Но вместо традиционного орудия производства уличных синюх в паху виднелась маленькая округлая ранка с рубцом по краям – вроде воронки. «Колодец», догадался Артем. Туда наркоманы со стажем вводят шприц, потому что вены уже напрочь исколоты и «уходят» вглубь плоти, будто прячутся от хозяина тела, который добровольно занимается саморазрушением. «Нам осталось уколоться и упасть на дно колодца, и пропасть на дне колодца, как в Бермудах, навсегда», – вспомнилось ему из Высоцкого, который, по слухам, сам умер от наркотиков. Из угла рта торчка, словившего «тягу», стекала струйка ярко-белой пенистой слюны. Над диваном был приклеен кустарный календарь за 1976 год с голыми девками, отпечатанный на плохой фотобумаге – из тех, что наряду с фотографиями Сталина продавали глухонемые в электричках.

Казарин, как слепой, пробрался сквозь плотный, почти осязаемый на ощупь чад в глубь лачуги и ткнулся в чью-то спину. По тускло блеснувшим звездочкам на плечах понял: Стрижак. Майор стоял и смотрел на что-то, не отрываясь. Это что-то шипело, испуская новые порции вонючего пара. Смерд здесь был особенно густым и вязким. Подавшись немного вперед, Артем разглядел очертания малогабаритной газовой плиты. Та была столь густо заляпана жиром, что, пожалуй, могла бы спасти целую блокадную семью – соскребать с нее сало и питаться им можно было не один день, если делать это достаточно экономно.

– Что это за херня? – шепотом спросил он Стрижака.

Тот молча посторонился, давая Казарину разминуться с ним в крохотной кухоньке. Артем пробрался к самой плите, разогнал ладонью плотный пар, висевший в воздухе. На сковороде шкварчала и брызгала вонючим подсолнечным маслом человеческая печень.

Казарин вспомнил знакомый с детства плакат: печень здорового человека и печень алкоголика. Слева – румяная, как заморский плод, здоровая печенка, а справа – натруженная, пузыристая, пораженная циррозом. То, что сейчас стреляло в Артема кипящим маслом с закопченного чугунного кругляша, было очень похоже как на первую, так и на вторую. А больше – ни на что, виденное до этого Казариным.

– Печень? – шепотом спросил он у Стрижака.

Вместо ответа тот грязно выругался, выхватил из кобуры вороненый «макар» и припустил куда-то в задние комнаты. Казарин бросился за ним. Неожиданно они оказались на свежем воздухе. Артем с наслаждением втянул ноздрями порцию озона – и услышал тягучее грудное пение:

Тэ явэ?н бы,

Тэ явэ?н бы ма?ндэ ё павли?на кры?лу-ю-шки...[8 - «Были б, были б у меня павлина крылышки...» (цыганск.).]

Протер глаза от застилавшего их смрада – и остолбенел. За длинным дощатым столом в крошечном заднем дворике восседали «морики» всех возрастов – от древних монументальных старух и стариков до смуглой грязноватой детворы. Общим числом – человек пятнадцать. Все они, от мала до велика, брали из стоявшего перед ними эмалированного тазика и клали в рот что-то, подозрительно напоминавшее то, что шипело на сковородке в доме.

К серому, подернутому пленкой осенних облаков небу взлетел удивительно чистый и сильный тенор:

Эгэй, мэ б злета?-я-л бы,

Эгэй, мэ б злета?-я-л бы,

Да кэ ро?дна ли дуй пша-я-ла?.

Дэ?влалэ, да кэ ро?дна ли дуй пша-я-ла?[9 - «Эгэй, я б слетал бы, эгэй, я б слетал бы да к родным двум братьям. Господи, да к родным двум братьям».].

Ангельское пение вырывалось из пасти огромного, похожего на матерого жирного борова цыгана с бельмом на левом глазу. Куда там сладкоголосому цыганскому соловью Коле Сличенко! Этот хряк даст ему сто очков форы.

– А ну, все на землю, людоеды! – завопил над самым ухом Стрижак, оборвав чудесную песню.

Толстомясые цыганские матроны, завидев вороненое дуло «макара», с плачем полезли под стол, цыганят как ветром сдуло. Мужчины-«морики» сползали со скамеек, сохраняя видимость достоинства.

– Человечину жрете, суки? Где остальное? – спросил Стрижак, грозно размахивая волюной. – И где убийцу прячете?

* * *

– Понос и рвота – день чудесный, всё, проблевался, друг прелестный, – ухмыльнулся майор, переведя дух. Его выдающиеся уши налились кровью и стали красными, как светофор. Артем утер рот тыльной стороной ладони и поскорее отошел от испакощенного им и Стрижаком забора.

– Зачем же вы это ели-то, уроды вы этакие? – спросил он, и его рот вновь наполнился горькой слюной. – Вам что, жрать нечего? А на работу устроиться не пробовали?

– Не ругайся, начальник, – отвечал жирный любитель пения, он же – таинственный «француз» Жан. Пока он выводил песню про «крылушки», его голос был чище, чем у Робертино Лоретти[10 - Робертино Лоретти – сладкоголосый итальянский певец, который в подростковом возрасте, в первой половине 1960-х годов, был крайне популярен в СССР.], а когда говорил – разом становился хриплым, как у портового сутенера. – Зачем жрать нечего? Все есть, салат есть, холодец есть, даже курица есть. У меня сын родился! Садись за стол, угощайся! Отказаться нельзя – обида на всю жизнь.

– Надо обязательно съесть кусочек рубашки, в которой его сыночек родился, – наставительно добавила полнотелая цыганская матрона, которая внимательно прислушивалась к разговору. – Так наши предки делали, так и наши правнуки

будут. Иначе младенцу счастья не видать, точно тебе говорю, золотенький.

Артема снова затошнило. Ему и в страшном сне присниться не могло, что цыгане после рождения первенца всей родней поедали кусочки... последа. Жареного последа. Плаценты, которая осталась после родов. После родов, которые были у 16-летней жены жирного борова с голосом Робертино Лоретти. Который был осужден за совращение малолетней. Голова кругом! Казарин решительно помотал башкой, прогоняя головокружение, что можно было при желании воспринять и как жест, означающий отказ от предложения поучаствовать в пиршестве. Впрочем, цыган особо и не настаивал – с сотрудниками правоохранительных органов при исполнении он явно имел дело не в первый раз.

– А все же есть у тебя хоть какие-то предположения, кто над девчонкой надругался и завалил ее до кучи? – устало спросил Артем у Жана, который, получалось, не имел к убийству ни малейшего отношения.

– А я знаю? – вскинулся толстяк. – Мое дело маленькое, начальник, мне чужие дети побоку, у меня свои есть! Я тебе что, гаджэ[11 - Гаджэ, гаджо (мн. ч. «гадже») – означает «нецыган», здесь: «русский». Два основных правила общения цыгана с гаджэ гласят: «при отношениях с гаджэ лучше придерживаться правил и законов гадже» и «обращайся с гаджэ так, как он обращается с тобой». Цыганский закон также рекомендует избегать браков с гадже, хотя и не запрещает этого. Слово это имеет оттенок превосходства, но все же не используется цыганами в качестве унижительного. Для «плохого гаджэ» существуют отдельные слова.], чужих ублюдков воспитывать? Может, мне еще на субботники начать ходить? Так в нашем языке нет слова «субботник» – между прочим, как и слова «Родина». Так что я и на субботники не хожу, и чужих детей не кормлю, и на Родину эту плюю, понял?!

– Ну, ты же с Валькой на пару сколько водки выжрал с ханкой пополам! Неужели не замечал, чем ее дочь дышит да кто к ней ходит? – принялся орать на Жана Стрижак.

– Водка с ганджа[12 - Гандж – сленговое название марихуаны и, шире, любого растительного наркотика, предназначенного для курения.] мажет, а без ганджа бычит, – ухмыльнулся новоиспеченный отец. – Я себя-то иногда не замечаю, начальник, а ты про чужих дочек. Староват я уже для чужих дочек. Вот лет двадцать назад ни одной не пропускал, – и ослабил, обнажив ровный ряд

тусклых золотых коронок.

Казарина вновь накрыло мутной водой воспоминаний. Ведь он тоже был тем самым «прицепом», которого как огня боялись все неженатые мужики. Нет, он не был трудным ребенком. Просто Артем, замкнутый и стеснительный до идиотизма подросток, никак не мог примириться с тем, что жизнь отнимала у него единственного близкого человека – мать. А эта сука-жизнь подкидывала и подкидывала маме все более и более отморозенных уродов, из которых лишь один, тихий спившийся интеллигент дядя Сева, нашел с Артемкой общий язык: по вечерам они вместе клеили модели самолетов. Но мама сказала дяде Севе, что он нищелюб и вообще не мужик, и велела катиться на все четыре.

После укатившегося в одном из указанных матерью направлений дяди Севы пошли форменные утырки.

Но самым бесячим из них был Эдик. Парень лет на десять моложе матери, скользкий, лживый подонок. Артем помнил, как стареющая мать из-за него редела белугой, заливая слезами все вокруг. А этот ходячий кусок дерьмища то бросал ее, то вновь возвращался. Артем его ненавидел на физиологическом уровне. И чем старше становился, тем изощренней издевался над ним. Во дворе он подговорил мальчишек, и те кричали идущему в гости к матери расфуфыренному Эдику: «Эдик-педик!». А однажды Артем набил презерватив, раздобытый с превеликим трудом у старших пацанов, собачьими какашками и засунул ненавистному Эдику в ботинок.

Когда Артему исполнилось одиннадцать, эта пародия на мужика начала лапать его липкими руками, а потом попыталась спустить с него штаны. Но получила от хлипкого на вид пацаненка неожиданный отпор и долго ходила, украшенная здоровенным переливчатым фингалом. Однако домогательства на этом не прекратились. Артем дрался молча, с ожесточением, но стараясь не издать ни звука, чтоб не услышали соседи за стенкой и, не дай Бог, не рассказали маме. Сам он ничего ей не говорил. Однако она, похоже, начала о чем-то догадываться и дала отставку этому говносоусу. При этом он проявил себя полным дерьмом напоследок, но это уже мелочи. Артемка был счастлив – больше за маму, наверное, но и за себя тоже. Казарин почувствовал, что ему не хватает воздуха...

– Который тут Артем? – прозвучал вдруг голос с того края реальности, возвращая его из прошлого.

– Ну я, – удивленно отозвался он.

Перед ним снова стоял цыганский барон – на этот раз без свиты, и вместо халата на нем красовался роскошный фирменный спортивный костюм, довольно странно смотревшийся в комплекте с длинноносыми белыми туфлями. Голову «огурца» украшала все та же широкополая шляпа. Интересно, спать он тоже в ней ложится?

– Кхамало тебя зовет, – торжественно изрек барон.

– Какой еще... крахмало? – озадачился Казарин. – Откуда ты знаешь мое имя?

– Я не знаю. Кхамало знает, – строго произнес барон. – «Кхамало» по-нашему означает «Солнечный». Пошли, его нельзя заставлять ждать.

Глава 13

Нострадамус в джинсах

Главный герой узнаёт, ЧТО появляется там, где нет цыган, и слышит неожиданное пророчество, к которому, впрочем, относится крайне скептически.

Всё отодвинулось – и оставшийся с молодым папашкой-пырём Стрижак, и серенький задристанный октябрьский денек, и даже цыганский барон, скромно притулившийся на краешке стула и тихо, как бы исподволь переводивший слова, которые Артем, кажется, понимал и так, безо всякого перевода.

Старик был удивительным. Примерно так Казарин представлял себе индийских йогов: темно-коричневое лицо, снежно-белая повязка на голове и такого же цвета борода, блестящие черносливы глаз, проникающих, казалось, в самую душу. От старика веяло такой силой, какую Артем не ощущал еще ни в одном человеке. И в то же время он чувствовал, это была добрая сила. Обстановка жилища отшельника также была аскетической: стены были увешаны

восточными коврами приглушенной расцветки, мебели не было вообще – старик восседал на одном из таких ковров, забавно раскорячив белые подушечки пальцев, контрастировавшие со смуглотой ног. Даже родинка на лбу «йога» напоминала индийскую тикку. Впечатление портили лишь детские джинсы с эмблемой «Буратино», в которые были затянута тощие ноги тщедушного старца.

Старик едва слышно прошелестел что-то одними губами на незнакомом Казарину, но очень красивом языке.

– Древнее зло пришло в мир людей. Ты единственный, кто может его найти и убить. С ним нельзя договориться, его нельзя умолить или запугать – можно только найти и убить. Это можешь сделать только ты. Не потому, что ты самый сильный, чаворэ, сынок. Ты слаб, очень слаб... Но никто больше не верит в этом мире в древнее зло, и поэтому зло может властвовать в нем безраздельно. Ты не такой, как все. Ты видишь тех, кто бродит по пустоши. Ты чувствуешь их дыхание. Ты можешь победить зло, – тихо повторял из угла барон вслед за движением губ Кхамало.

– Что? Какое еще древнее зло? О чем ты, старик? Откуда тебе известно мое имя? – не выдержал Артем, стряхнув с себя морок, насланный странным старцем. Он сидел перед ним на полу, так же как и «йог», сплетя ноги калачиком. Было жутко неудобно, но менять позу почему-то не хотелось.

– В мир пришел Мулло – нежить, упырь по-вашему, – продолжал удивительный старец вещать губами цыганского барона. – Это мертвец, который возвращается, чтобы питаться кровью живых. Предание о Мулло передается среди ромов – цыган – из уст в уста, с самых древних времен. С тех самых пор, когда индийский царь, в которого вселился Мулло, выгнал горстку отверженных – париев – в джунгли, на верную смерть. Но они выжили. И стали ромами. С той поры одни лишь ромы среди смертных имели власть над Мулло. Только благодаря им, их магии он не мог прорваться в этот мир. Где истребляли ромов – там появлялся Мулло. Но теперь времена изменились. Ромы стали другими. Песни, сказки и вольный ветер в гриве краденого скакуна им заменили золото, сладкий дурман и дорогие безделушки. – При этих словах барон поморщился так, будто у него заболел зуб, но продолжал: – Ты, чаворэ, сынок, не такой. Тебя не держит тлен этого мира. Скоро ты будешь сильным. Скоро в твою жизнь придет лубаны – любовь...

– Любовь? – Казарин захохотал так, что на глазах аж слезы выступили. – Ну, ты скажешь тоже, старикан...

Артем давно смирился с мыслью, что он закоренелый холостяк, и даже находил некое мазохистское удовлетворение в этом пикантном обстоятельстве. С бабами у него как-то совсем не клеилось. Была одна. Художница. Но она не любила Казарина.

– А кого она любила, чаворэ? – спросил йог устами барона.

Артем даже не удивился и раздумчиво отвечал:

– Она любила другого. Доброго. Непьющего. За которым – как за каменной стеной. И с которым можно связать свою жизнь. Но я – не он.

– Думаю, что ты ошибаешься, чаворэ, сынок, – покачал головой старик, а тот, кто служил устами его, послушно воспроизвел его речь. – К тебе придет настоящая лубаны. Она сделает тебя сильным, чаворэ. Она поможет тебе найти, где скрывается Мулло...

– А что, нет другого способа отыскать этого самого Мулло? – скептически скривился Казарин.

– Мулло многолик. Он может умирать и возвращаться, он может быть мужчиной, женщиной или чем-то средним, вести обычную жизнь, жениться и выходить замуж. Но главное для него – страсть. Темная страсть, ради которой он всегда будет творить зло. Его любострастие не знает меры и дна, – отвечал цыганский Нострадамус-предсказамус.

– Но как же распознать Мулло? – нетерпеливо оборвал Артем, которому уже стала надоедать эта игра.

– Говорят, что иногда мертвецы возвращаются, чтобы вступить в связь с человеком, с которым им не позволяли быть при жизни, – раздумчиво и медленно повторял толстяк мысли старика. – Даже если этот человек давно уже умер и душа его живет совсем в другом теле. Иногда мертвец предлагает женщине сойти в могилу вместе с ним и провести остаток вечности вдвоём.

Среди ром встречаются девушки, которые верят, что они сожительствовали с мужчиной, оказавшимся мертвецом. Некоторые говорят, что таких любовников видят только те, с кем они вступают в связь. Любой, кто отличается от других телом или душой, у кого есть лишний палец, заячья губа или волчья пасть, или кто просто чувствует и мыслит острее других – может стать Мулло! Ты тоже не такой, как все. Но ты – не Мулло. По крайней мере, пока. Стать или не стать Мулло – зависит от тебя.

– И как же победить этого вашего Мулло? – криво усмехнулся Артем, давая понять, что начавший его раздражать разговор подходит к концу.

– Чтобы защититься от нежити, ромы вставляли стальные иглы в сердце трупа или клали кусочки стали ему в рот, на глаза, уши и между пальцев во время похорон, – отвечал старик голосом барона. – Либо вбивали колья из боярышника в ноги, в могилу. Обливали труп кипящей водой, обезглавливали его или сжигали...

– Ладно, старик, сказки ты складываешь интересно, но мне пора, – сказал Казарин и поднялся наконец из неудобного положения. Удалось это ему не сразу – ноги затекли и их страшно ломило: даже странно, как это он раньше не почувствовал боли. – Если я встречу твоего Мулло, я обещаю тебе, что оболью его кипятком из чайника и насильно напою настойкой боярышника из аптеки до полусмерти или до смерти. Это уж как получится. По-разному бывает, в зависимости от крепости организма. Ну все, я пошел. Бывай, сказочник!

Его никто не удерживал. Старик лишь печально помотал обернутой в белоснежную ткань головой, и вслед Артему донеслось сказанное то ли бароном, то ли самим старцем:

– Стать или не стать Мулло – зависит от тебя...

Глава 14

Черный кабинет

Читатель узнаёт о тайне, которую скрывает кабинет старшего следователя по особо важным делам Казарина, а также о том, на какую страну шпионили Хрюша и Степашка.

Сказать, что свой кабинет в здании облпрокуратуры Казарин не любил – было все равно что преуменьшить масштаб бедствия для жителей Хиросимы и Нагасаки после падения на их головы бомб «Малыш» и «Толстяк» до уровня последствий прорыва канализации у соседей сверху. Тоже дерьмо, конечно, но не полное. В случае с Артемом дерьмо было полным, густым и на редкость вонючим.

Когда, полгода назад, Казарин только-только перешел из гособвинения в отдел по расследованию особо важных дел облпрокуратуры, его удивило, что ему сразу предоставили отдельный кабинет. Ведь даже сотрудники старше Артема по званию теснились в узких каморках по двое человек за стоявшими впритык столами.

Также ему никто толком не мог объяснить, куда делся предыдущий хозяин кабинета. Точнее, хозяйка. Никаких женских штучек в кабинете он не обнаружил – даже забытой заколки или тюбика с помадой, но понял это по протоколам допросов, осмотрах мест преступления и прочим материалам уголовных дел, которые были заполнены аккуратным округлым женским почерком. Все бумаги находились в образцовом порядке, но в то же время в них ощущалась какая-то незавершенность – словно в книге, резко оборванной на полуслове. Как подумал сначала Артем, женщина-следователь, которая вела эти уголовные дела, то ли ушла в декрет, то ли пошла на повышение – вот на ее место и назначили Казарина, передав ему расследование этих дел.

Зато он очень быстро почувствовал, что вокруг кабинета и его прежней хозяйки существует некий заговор молчания. Все его коллеги по отделу словно воды в рот набрали. Наконец он все-таки решил узнать, что же произошло с его предшественницей. Для этого пришлось отжалеть из скудной зарплаты следователя пять рублей двенадцать копеек на подорожавшую супротив прежних трех шестидесяти двух бутылку водки.

Товарищ, верь, придет она – на водку прежняя цена! – посмеивался пьяненький следователь Горелов по прозвищу Перегарыч, обитавший в соседнем с

казаринским кабинете.

Накачав собрата по цеху правоведов и законников дурманящей «андроповкой», которую, по слухам, гнали из отходов нефтепроизводства, Артем был вознагражден занимательной историей, признаться, даже пощекотавшей ему нервы...

- Все заседаешь? - просунулась в кабинет голая, как девчачья коленка, голова следователя Козлюка.

- Сижу за решеткой в темнице сырой вскормленный в неволе орел молодой, - ухмыльнулся Артем, покосившись на квадрат окна, заштрихованный густой решеткой. Там уже смеркалось.

- Как выходные? - не отставал Козлюк, которому, видимо, хотелось поболтать.

- Какие выходные? - удивленно отвечал Казарин. - После пятницы сразу понедельник идет. А выходные - это городская легенда. Вроде крокодилов в канализации.

- Ладно... объебон по Свинолупову оставь мне на утречко. А я домой рванул, - проговорила лысая башка и проворно скрылась в дверном проеме.

Объебоном на прокурорском жаргоне звалось обвинительное заключение. Свинолуповым по паспорту значилось гнусное чудище в мужском обличье, которое расчленяло бомжей с помощью бензопилы и откармливало человечинкой своих охотничьих собачек. Такой необычный рацион, по утверждениям самого злодея, пробуждал в песиках отменную злобность и отличные охотничьи инстинкты. Обычно, вопреки расхожим киношным представлениям, следователь не «втыкает» в одно-единственное дело, а ведет добрый десяток разных дел и делишек одновременно. Далекое не все из них - преступления века, раскрытие которых обеспечит следователю славу если не Шерлока Холмса, то, по крайней мере, Глеба Жеглова и Володи Шарапова в одном лице. Большинство - рутинные надзорные производства по делам, давно раскрытым и не требующим приложения каких-либо сыскных талантов. Но высокое начальство, которое, как известно, думает долго, а решает мудро, наконец додумалось освободить Казарина ото всех других производств, чтобы он мог сосредоточить все силы на раскрытии резонансного и даже по-своему

оскорбительного для советской власти дела о светлопутинском маньяке. Артему даже позволено было сколотить на свое усмотрение межведомственную следственную группу, куда он первым делом включил майора Стрижака и старшего эксперта-криминалиста Лунца. И вот сейчас следователь-важняк Казарин сдавал дела.

За делом Свинолупова следовала жалоба от члена Коммунистической партии с 1905 года тов. Втупикина, из коей явствовало, что вышеозначенный член приобрел в городском универмаге рубашку в клетку, к которой прилагалась этикетка с указанием цены и фабрики-изготовителя – швейного объединения «Красный пролетарий» (г. Ленинград). И вот в Ленинграде-то и оказалась вся заковыка: в напечатанном на этикетке названии города отсутствовала буква «р», что, по мнению товарища Втупикина, является происками врагов народа, дискредитирующими имя основателя Советского государства. Донос заканчивался энергичным: «Прошу подвергнуть самой суровой каре виновных и членов их семей!»

Героически борясь с желанием выкинуть паскудную писульку в мусорную корзину, Казарин, внутренне презирая самого себя, напечатал на машинке представление с требованием провести проверки во всех торговых точках Черногрязинской... тьфу, Светлопутинской области, реализующих швейную продукцию, и изъять из продажи изделия ленинградской фабрики «Красный пролетарий».

Дальше было хуже. На очередном конверте с олимпийским мишкой значилось: «Самому главному начальнику в личные руки!». Артем ухмыльнулся: в должности его повышать не спешат, а вот дела, предназначенные для самого главного начальства, на него сваливают. Он разорвал конверт и сразу же пожалел об этом. За время беспорочной службы в прокуратуре Казарин научился разбираться в людях, и не только в тех, которых видел живьем. По корреспонденции также можно было многое сказать о ее отправителе. По странным речевым конструкциям, тайный смысл которых, судя по всему, был понятен только самому автору, склонности к рифмованию в тексте, обилию неологизмов, подчеркиваний и вычурно нарисованных буквиц Артем сразу понял, что имеет дело с шизофреником. Общий смысл послания, от которого респондент постоянно отклонялся в сторону, но затем вновь возвращался к нему с завидным упорством, сводился к тому, что ведущая телепередач «Спокойной ночи, малыши!» и «От всей души» (автор не преминул подчеркнуть рифмующиеся окончания), Валентина Леонтьева[13 - Валентина Леонтьева

(урожденная Алевтина Торсонс, 1923–2007) – советская и российская телеведущая, диктор Центрального телевидения Гостелерадио СССР в 1954–1989 годах. С 1965 г. по 1967 год жила в Нью-Йорке с мужем-дипломатом и сыном, что, вероятно, и дало зрителю повод для подозрений в шпионаже.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сукку?б, сукку?бус (от лат. succuba – любовница; succub (are) – «лежать под») – демонесса похоти и разврата, посещающая ночью молодых мужчин. Инкуб, инкубон, (от лат. Incubare – «возлежать сверху») – демон в облике мужчины, вступающий в связи с женщинами (здесь и далее – примеч. авт.).

2

Тульпа – в тибетском и индийском буддизме, в религии бон и в оккультизме – индивидуальная или коллективная галлюцинация, затрагивающая различные органы чувств.

3

Просторечное название звезды Героя Социалистического Труда.

4

Использовать «Сарабанду» Генделя в качестве музыкального сопровождения к кинохронике, которая запечатлела взрывы храмов и видневшиеся из-под воды купола колоколен, телевизионщики полюбили во времена перестройки. Эта мелодия, по-видимому, казалась им чрезвычайно мрачной и потому подходящей для такого рода кадров. Хотя изначально ничего мрачного в ней не было – она скорее трагическая, но при этом проникнута оптимизмом и верой в человечество. Однако кинокадры, которые эта музыка сопровождала, сами по себе несут столь мощный заряд «крипоты», что теперь и «Сарабанда» воспринимается как одно из самых мрачных произведений классической музыки.

5

Называть презервативы резиновым изделием номер два начали в Советском Союзе. Считается, что в СССР нумеровали различные виды резины, отличающиеся друг от друга плотностью. Так, «Резиновым изделием № 1» называли противогаз, «№ 2» – презерватив, «№ 3» – ластик, а «№ 4» – галоши. Хотя ходил устойчивый слух, будто номера – это указание на размер. Мол, № 1 – самый маленький, и его мужчины не покупали из гордости, поэтому он не прижился. А третий номер для большинства слишком велик, поэтому также не пользовался спросом. Поэтому в итоге так исторически сложилось, что в производство стали запускать только размер № 2. Однако даже его катастрофически не хватало, и «Резиновое изделие № 2» было в СССР большим дефицитом.

6

Голгофа – присущая исключительно русскому православию форма надгробного памятника. Представляет собой монумент со сравнительно небольшим основанием, часто по форме напоминающим кусок скалы, на котором пишутся имя усопшего и даты его смерти, со стоящим на вершине большим гранитным или мраморным крестом. В царской России голгофы были самым распространенным типом надгробного сооружения для высшего сословия. Все мастерские той поры соревновались друг с другом в утонченности исполнения этого памятника.

7

Беспортошный (цыганск.).

8

«Были б, были б у меня павлина крылышки...» (цыганск.).

9

«Эгэй, я б слетал бы, эгэй, я б слетал бы да к родным двум братьям. Господи, да к родным двум братьям».

10

Робертино Лоретти – сладкоголосый итальянский певец, который в подростковом возрасте, в первой половине 1960-х годов, был крайне популярен в СССР.

11

Гаджѐ, гаджо (мн. ч. «гадже») – означает «нецыган», здесь: «русский». Два основных правила общения цыгана с гаджѐ гласят: «при отношениях с гаджѐ лучше придерживаться правил и законов гадже» и «обращайся с гаджѐ так, как он обращается с тобой». Цыганский закон также рекомендует избегать браков с гадже, хотя и не запрещает этого. Слово это имеет оттенок превосходства, но все же не используется цыганами в качестве унижительного. Для «плохого гаджѐ» существуют отдельные слова.

12

Гандж – сленговое название марихуаны и, шире, любого растительного наркотика, предназначенного для курения.

13

Валентина Леонтьева (урожденная Алевтина Торсонс, 1923–2007) – советская и российская телеведущая, диктор Центрального телевидения Гостелерадио СССР в 1954–1989 годах. С 1965 г. по 1967 год жила в Нью-Йорке с мужем-дипломатом и сыном, что, вероятно, и дало зрителю повод для подозрений в шпионаже.

Купить: https://tellnovel.com/ru/erofeev_ruslan/hton-zver-iz-bezdny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)